

The book cover features a woman with short dark hair and blue eyes, wearing a dark brown short-sleeved top and a long green skirt, sitting in an ornate wooden chair and reading a glowing book. Behind her stands a man with short brown hair and a beard, wearing a dark green vest over a white shirt. The background is a large, ornate arched doorway with intricate carvings. The scene is filled with vibrant orange and yellow magical energy, represented by glowing lines, sparks, and various symbols like 'X', '#', and 'L'.

Затяна
ЗИНГЕР

Соль и пламя
ВЕСТНИЦА

Annotation

Их свела друг с другом сама судьба. Столкнула лбами, заставила сотрудничать.

Тая выросла в Затопленном городе. Игтан – граф, светлый маг, любимец рода. Откуда ему знать, как тяжело неделями не видеть солнца? Разве сможет она стать частью его мира?

Но Тая – вестница, и она способна рассмотреть будущее в текстах книг. Что остается Игтану?

Разумеется, оберегать вестницу.

Татьяна Зингер

Соль и пламя. Вестница

© Т. Зингер, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Тая

Смычок скользил взад-вперед, и от касаний волоса по струнам рождалась мелодия. То горячая на языке, то приторно-сладкая; то невыносимо медленная, то быстрая, как подземная река. Мотивы сменялись. Солнечный луч плясал по грифу.

Футляр от скрипки наполнялся монетами – горожане были разморены жарким полднем и оттого щедры. Они не скупилась на подаяние для юной скрипачки, которая играла, склонив голову на подбородник. Одни долго стояли, топая в такт, чем неимоверно раздражали; другие кидали монетку в общую кучку и шли по своим делам.

Краем глаза я заметила, как Рыжий влез пальцами в карман прохожего, который заслушался мелодией, как блеснула в смуглой руке медянка. Я видела все и с трудом подавила стон недовольства. Куда же он выперся, неразумный?! Схватят же!

Я закончила играть и под редкие аплодисменты пересыпала мелочь в мешочек, который повязала на пояс. Рыжий мельтешил рядом, чем подставлял нас обоих. Сцапают его – и меня заодно. Надо бы убираться, пока его не поймали.

– Прекрати, – шикнула я, схватив Рыжего за залатанный рукав. – Кыш отсюда!

– Да ладно тебе! – протянул тот и щербато улыбнулся. – Все в порядке. Никто и не заметил.

Он убежал, затерявшись среди суетливого потока горожан. Я забросила футляр за плечо и уже собиралась уходить, как по площади разнесся истошный женский крик:

– Грабят! Стража!

Оглянулась. Да будь неладен этот мальчишка! Громадный мужик схватил Рыжего за грудки, а стоящая рядом тетка орала во все горло. Вокруг них образовывалась толпа. Подошел толстопузый стражник, встряхнул Рыжего как следует. Тот взвыл.

– Не трожьте меня, я сиротинушка-а-а.

Надо валить. Я направилась к безлюдному переулку, надеясь затеряться, пока не стихла паника. Не успела.

– Он с этой был, со скрипачкой! – «удружил» кто-то басистый.

– Вон она!

– Бесстыдница!

– Воровка!

– Держите ее!

Я ни оглядываться, ни отвечать не стала – побежала так, что дыхание застыло в глотке. Тяжеленный футляр лупил по заднице, оттягивал плечо. Не впервой, потому на бегу перекинула его поудобнее. Мелькали развилки и дома. Запах свежей выпечки сменился помойной вонью. Кошель отвязался и брякнулся на землю, но я не остановилась – жизнь дороже.

Преследователь несся по пятам, и тяжелые шаги его звучали вровень со стуком моего сердца.

– Именем закона... – пыхтел он, срывая голос. – Требую...

«Требуй что угодно, отвяжись только», – безрадостно подумала я и свернула налево, затем резко вправо. Перепрыгнула через мусорную кучу, встревожив стайку крыс, и те с

писком разбежались.

Преследователь отставал. На новом повороте его дыхание уже не жгло лопатки. Вскоре шаги стихли, затерявшись где-то позади. Как раз вовремя. Я, склонившись, нырнула в малоприметную щель под старым зданием, где пряталась не единожды. Втянула внутрь футляр. Улеглась на живот и затихла.

Ноги, обутые в нечищенные ботинки, пронеслись совсем рядом и исчезли. Угроза миновала.

Ха!

Я довольно фыркнула. Одурачила. Опять! Какие же эти стражники неуклюжие. Разжиревшие боровы, вот они кто.

Но гордость тотчас сменилась раздражением. Дневного заработка я лишилась, и все благодаря недотепе-Рыжему. Ему же было велено обчищать простофиль с рынка, так чего он приперся к фонтану?! А самое обидное, что Рыжему ничего не сделают, ну, высекут как следует да отпустят восвояси. А мне Кейбл потерю выручки не простит. Я явственно представила, как он накажет меня, – и низ живота скрутило судорогой.

Вроде тихо.

Я, переждав несколько минут и убедившись, что поблизости никого нет, вылезла из щели, оперлась спиной о стену. Смежив веки, представила, что это вовсе не трущобы столицы, а море. Вообще-то я никогда не видела моря, но слышала, что оно существует. Мамаша говорила, будто то шумит – и многие годы я пыталась понять, как именно. Похож ли его шум на скрип дверных петель или на шуршание, с которым ветра гоняют по земле обрывки газет?

Или на то, как падают с потолка капли, ведь в Затопленном городе не бывает сухо?

Кейбл, подтрунивая надо мною, утверждал, будто морская вода пахнет рыбными очистками и плавают в ней утопленники. Но я ему не верила. Откуда Кейблу, выкормленному крысами Затопленного города, знать, как выглядит море?

Я сидела, поглаживая шершавый бок футляра. Вокруг все смолкло. И среди Янга, столицы людского королевства, осталась я одна, а ветер донес аромат соли.

...И чьи-то шаги.

Сердце рвануло из груди.

Я приготовилась бежать.

Иттан Берк

Болезнь не красила Агнию. Под глазами залегли тени. Рыжие кудри, мандариново-сочные, пахнувшие лавандой, разметались по подушкам. Женщина натужно дышала, и грудь ее тяжело вздымалась от каждого вдоха.

«Мигрень», – догадался Иттан. Вот почему она вызвала его сегодня, да еще в такой спешке. В письме, присланным с посыльным, было всего два слова:

Приезжай немедленно.

– Ты неразговорчив, – прошелестела Агния. – Проблемы на работе? Не стой в дверях как неродной, иди сюда, – и слабо похлопала по краю кровати.

– Честно говоря, погода дрянная. – Он сел осторожно, чтобы не потревожить Агнию (знал, как ей неприятны любые касания в мигрень). – Ты выходила на улицу?

Она бросила быстрый взгляд на окно, за которым бушевал ливень, и злой ветер гнул ветви яблонь, которые росли у дома, к земле. Сам Иттан вымок до нитки, и светлые волосы его завились у концов. С кончика носа стекла капля и разбилась о шелковые простыни. Агния любила роскошь, порой запредельную и лишнюю. Мебель подбирала исключительно редких пород, не скупилась на одежду и обувь. Оттого и простыни в ее доме были жутко неудобные, зато из бледного шелка. Иттан проклинал их каждый раз, когда пытался балансировать на скользком шелке в минуты близости с Агнией.

– Лето нынче не задалось, – холодно подтвердила та, которая терпеть не могла разговоров о погоде и называла их бестолковой тратой времени и слов. – А мне что-то нездоровится.

Она страдальчески закусил губу. На лбу и в уголках глаз выступили морщинки, бесстыдно напоминающие об истинном возрасте. Иттану нестерпимо захотелось стереть их с фарфоровой кожи поцелуем, но он сдержался.

– Позвать лекаря?

– Лучше посиди со мной. – И нащупала его руку.

Странно, никогда прежде Агния не просила побыть с ней в момент приступа. Напротив, гнала вон при малейшем признаке недомогания. Не терпела слабости: ни чужой, ни своей. С чего она снизошла до «телячьих нежностей», которые презирала всем своим естеством?

Их близость казалась настолько хрупкой, что могла рассыпаться на осколки от неловкого движения. Потому Иттан окаменел, с трепетом рассматривал аккуратные черты бледного личика. Мышцы его затекли, но он не позволял себе двинуться. Дождь барабанил по стеклам одновременно тревожный и успокаивающий ритм. Иттану почудилось, что Агния задремала, и он попробовал высвободиться, но женщина покачала головой.

– Сиди, – приказала шепотом. – Расскажи, как обстоят дела в академии?

– Совет избрал новым ректором Виитаро Монро, – нехотя ответил Иттан, почесав переносицу. – Не худшее их решение, хотя я чую, как надо мной сгущаются тучи. Старик Виитаро всегда считал меня слишком юным для занимаемой должности – а значит, попытается эту самую должность отнять. Что еще? – Он задумался, потому как редко обсуждал с кем-либо работу. – Пришли характеристики на первокурсников. Среди потока

есть настоящие самородки, но тебе ведь скучно?

– Отнюдь. – Агния приоткрыла глаза цвета спелой сливы. – Я так редко проявляла интерес к твоей жизни. Мне стыдно.

– Почему? – изумился Иттан. Нет, что-то неладно. Чтобы Агния, та самая Агния, которую воротило от любого проявления эмоций, пыталась влезть ему в душу, да еще стыдилась своей черствости?!

– Настроение такое. – Она хрипло засмеялась; так смеется любая курильщица с многолетним стажем. – Романтичное. Ну же, рассказывай!

И он говорил. Нес откровенную чепуху, описывал абсолютно неважные события минувшего дня, а в душе цвело. Когда Агния уснула, напоследок заметив, что Иттан болтливый болван, он поцеловал ее в лоб (что позволял себе редко, лишь когда был уверен, что не разбудит свою язвительную женщину) и на цыпочках вышел, прикрыв дверь.

«Может, это знак? – думал Иттан, подняв ворот плаща, чтобы колючая морось не затекала за шиворот. – Она готова принять меня?»

Фамильное кольцо давно пылилось в ящике стола – Иттан попросту не решался предложить Агнии замужество. О да, она бы засмеяла его, назвала влюбленным кретином и напомнила, что между ними нет никаких отношений, кроме постельных. Но теперь, когда она разрешила ему разделить на двоих мигрень, когда расспросила о делах, когда позволила открыться – все изменится!

По периметру академия чародейства и знахарств была обнесена неприступной стеной, а внутрь вели единственные ворота. Над теми развевались сотворенные магией флаги всех цветов радуги, которые мерцали даже в ночи. Вход от нежеланных гостей охранял суровый привратник. Ну, предполагалось, что он должен быть суровым, но по факту этот престарелый колдун средней руки либо дремал в своей каморке, либо ругался с прохожими-студентами, пытающимися протащить на территорию что-нибудь запрещенное (от дешевого алкоголя до таких же дешевых продажных женщин). Даже алебарда, добытая им в какой-то оружейной мастерской, не вселяла страха.

Ключущий носом привратник подскочил, когда ворота отворились.

– Доброе утро, господин! – Он встал по струнке.

– Спокойной ночи, – поправил Иттан с улыбкой.

Темными ночами академию словно населяли призраки. В отблесках свечей скакали тени, извивались, теряясь в переплетении коридоров. Перешептывались не смазанные дверные петли. Свечи пылали тускло, позволяя ориентироваться в бесконечных поворотах и лестницах, но размывая очертания предметов. Впрочем, за тринадцать лет, которые светлый декан Иттан Берк провел в академии, он выучил наизусть каждую трещинку в стене, всякую складку на поистрепанном ковре. Приходили и выпускались адепты, умирали преподаватели, но вещи оставались неизменны.

В личных покоях Иттан наскоро разделся и завалился в постель. Завтра же он скупит всю цветочную лавку и, осыпав крыльцо дома Агнии розами, шипастыми, на длинной ножке, сделает ей предложение.

Но ранним утром (неприлично ранним, когда ночные гуляки уже разбрелись по домам, а труженики еще не проснулись) его разбудил стук в дверь. На пороге высилась личная секретарша Иттана. Ненакрашенная и встрепанная, чего раньше за ней не наблюдалось, в ночной сорочке до пят.

– Клаудия, что произошло? – Он потянулся.

– Держите, – проблеяла она.

Дрожащей ручонкой протянула Иттану сложенный вчетверо лист бумаги.

– Что-то неотложное? – пробурчал Иттан, разворачивая лист. Почерк в мелких завитушках был ему знаком. Агния.

Прошу, не порть мои похороны своими слезами. Не приходи.

А.

– Что за нелепая шутка?! – Иттан поднял взгляд на Клаудию, и та затряслась как в судорогах.

– Госпожа Агния Керро скончалась нынче пополудни. Она просила посыльного передать вам это после ее смерти, – скороговоркой выпалила секретарша. – Я решила не ждать и отдать сразу... чтобы вы... ну... вы же вроде дружили...

Договорив, она попятилась и, не дожидаясь дальнейших распоряжений, спешно ретировалась прочь от деканских покоев. А Иттан еще долго комкал в пальцах надушенное послание, чувствуя себя преданным и опустошенным настолько, что пустота эта пожирала изнутри. Как штырь, она вонзалась в сердце, проворачивалась, драла в ошметки.

Агния – молодая, успешная, великолепная – не имела права умирать.

Но она была мертва.

* * *

На похороны он все-таки явился. Назло Агнии и самому себе. Одетый неприметно, в повседневный костюм. Будто шел не к женщине, от которой лишился рассудка, а к мимолетной знакомой. Она лежала на алтаре посреди храма, окруженная черными свечами, огни на которых несмело трепетали. Повсюду были розы, и в воздухе застыл их сладкий аромат. Мечта Иттана осыпать Агнию цветами сбылась, но совсем не так, как он предполагал – да и опередил его какой-то иной поклонник. Волосы ее были убраны в замысловатую прическу, и среди рыжих прядей сверкали изумруды. Платье черное, с высоким горлом и без разреза у бедра, скромное и безвкусное – при жизни Агния ни за что бы не надела подобное.

С ней прощались коротко, без особых эмоций. Подходили, касались лба, бормотали под нос пару пожеланий и убирались. Хуже всего, что Иттан должен был поступить точно так же. Он ступил к Агнии, неотличимой от прежней – взмах ресниц, и она оживет! – тронул кончиками пальцев ледяной лоб. Второй рукой нащупал в кармане фамильное кольцо. Иттан собирался незаметно надеть его на палец Агнии, чтобы его частичка навсегда осталась с ней, но не сумел. За ним сморкалась в платок какая-то женщина и заглядывала за плечо, мол, когда же наступит ее очередь.

– Надеюсь, твой новый театр по-настоящему роскошен, – сказал Иттан и, запечатлев Агнию последним взглядом, отошел к стене.

Он проводит ее тело в последний путь, и когда прах развеют над рекой – напьется с горя.

– Сжигания не будет! – вдруг оповестила молоденькая актрисулька, подружка Агнии. –

Агнуша завещала быть похороненной в могиле.

Она не то хрюкнула, не то всхлипнула и трагично разревелась, неестественно и вызывающе. Да, со смертью Агнии столица лишилась не только прекрасной женщины, но и великой актрисы. Агния рвала жилы, не щадила себя, дневала и ночевала на сцене, заучивая роль, – и была лучшей из лучших. Неповторимой. Благодаря ей маленький театр из бедного квартала переехал в центр Янга. Сам король посещал пьесы, в которых главную роль – а за иные она не бралась – играла Агния.

Но она мертва, и вскоре гибкое тело обовьют черви.

Иттан ушел. Не выслушал заунывных речей от ее многочисленных поклонников. Не высказал ей, как нехорошо обманывать мужчину, с которым делишь постель. Мигрень... Никакой мигрению она не болела, а мучилась неизлечимой болячкой, что давно засела в мозгу. Агния, без сомнений, знала о ней, но ничего не говорила. Никому, даже Иттану. Почему она не доверяла ему?

С другой стороны, чем, если не доверием назвать то, что последние часы они провели вместе?

Кольцо он положит на ее могилу как-нибудь позже, когда страсти вокруг гибели Агнии улягутся.

Как назло, распогодилось. В день похорон Агнии просто не могло светить солнце, но, между тем, на безоблачном небе ворочался золотистый блин.

У здания, где когда-то снимал помещение театр Агнии, было удивительно пусто. Пара дешевых букетов валялось у заколоченных дверей – вот и вся дань памяти. Иттан долго стоял, вглядываясь в слепые провалы окон. И перед глазами вспыхивали картинки полузабытого прошлого.

...На то представление его позвал знакомый, и Иттан от безделья согласился.

Он сидит на жестком стуле в зале столь маленьком, что нечем дышать. Гостей собралось много, они шушукаются и позевывают, листают программку, наскоро нарисованную художником, а потому неряшливую.

Занавес поднимается, даря начало представлению, скучному и обыденному. Иттан ерзает на стуле.

– Ты погоди, – со знанием дела шепчет знакомый. – Скоро появится она!

В его голосе столько восторга, что Иттан поддается, в нетерпении разглядывает сцену, где мельтешат унылые актеры. Не разобрать, что они изображают: драму или комедию?

Все меняется, когда выходит Агния. В облегающем платье, полы которого струятся по полу. Волосы распущены, кожа бела, и только губы алы словно кровь. Она не женщина, а иллюзия, портрет кисти не мастера, но гения. Глаза сверкают. Ее речь чиста, и от голоса, которым она произносит текст, хочется плакать.

Все-таки драма.

Агния играет как живет. Вены на ее шее вздуваются, когда она кричит. Голос срывается. В конце она падает на подмостки, якобы убитая кинжалом в спину, и зал ахает. Люди поднимаются с мест и всматриваются в недвижимое тело.

Занавес опускается.

Нет ни хлопков, ни криков «Браво!». Лишь молчание, тяжелое, густое.

И когда Агния выходит на поклон, гости взрываются аплодисментами.

Женщины утирают слезы, мужчины восхищенно качают головами. Равнодушных, как и недовольных, нет.

Агния лучезарно улыбается, принимая букеты и комплименты, а Иттан чувствует на себе ее внимательный взгляд...

Кажется, он задумался и свернул куда-то не туда. Вместо базарной площади – на грязную, узенькую улочку. У сточной канавы умывалась крыса, такая жирная, что могла бы сожрать кота. Иттан поморщился. Ну и где он? Ни вывесок, ни лавок, только кособокие домишки да мусорные кучи.

Трущобы.

У стены обнаружилась кучерявая девица, которая сидела на земле, скрестив ноги. Глаза ее были закрыты. Перед девицей валялся футляр. Услышав, что кто-то идет, она распахнула глаза. Недовольно цокнула.

– Играешь? – зачем-то спросил Иттан, сраженный несоответствием между чумазой внешностью и старым, но чистеньким футляром, который девица сжимала тонкими пальцами.

– Типа того, – не приветливо ответила она и взялась с любопытством изучать ботинки Иттана, даже приблизилась к ним, точно рассматривая в начищенной коже свое отражение.

– А Звездную балладу можешь?

– Типа того, – повторила девица и, сплюнув сквозь зубы, вытащила скрипку.

Она тронула струны смычком и, к удивлению Иттана, заиграла гладко и плавно. Умеючи, а главное – без фальши. Агния обожала Звездную балладу, наверняка бы это исполнение ей понравилось. Он улыбнулся. Мелодия стихла на полутоне, оборвалась так резко, будто с мясом. Девица задрала голову, явно ожидая благодарности и уж точно не словестной.

– У тебя хорошо получается, – отметил Иттан, копаясь в кармане пиджака.

– Типа того, – с прежней немногословностью хмыкнула девица, убирая скрипку в футляр.

– Держи.

Он протянул скрипачке монету.

– Спасибо! – Она поднялась, чтобы принять подачку, но не устояла на ногах и неуклюже рухнула прямо на Иттана. Тот подхватил девицу и привалил ее к стене. – Извини, дядь. – Потерла коленку. – Ноги совсем затекли.

Монету девица попробовала на зубок, осталась удовлетворена результатом. Поблагодарив Иттана быстрым кивком, она схватила скрипку и, закинув себе за плечо, поплелась куда-то во внутренности улиц.

– Эй! Как выйти к площади? – запоздало окрикнул ее Иттан.

Скрипачка покрутила головой и ткнула влево, в прореху меж домов. Буквально через десять минут Иттан выбрался на оживленную площадь, в очередной раз поразившись тому, как резко приличный город перерастает в забытые богами трущобы. Даже солнце там светит иначе, тускло и безжизненно.

А играла эта девица совсем недурно.

– О, брат!

По спине со всей дури хлопнули. Иттан закашлялся от неожиданности. Обернулся.

Свен Лотт, хам, картежник, а заодно сынок первого министра, улыбался во весь рот.

– Слышал, Агния померла? – С непонятной радостью спросил он, равняясь с Иттаном. Пухлые щеки его тряслись в такт ходьбе.

Иттану жуть как хотелось послать Свена куда подальше и улизнуть, но правила приличия требовали продолжить разговор.

– Кажется, она болела чем-то серьезным.

– Поверь моим словам, это ее боги проклинали, – серьезно ответил Свен, поглаживая шарообразный живот. – Нечего было задницей крутить перед всеми подряд.

Негодование поднялось к горлу. Да как он смеет такое говорить?! Кто позволил ему лгать?

– Мне некогда трепаться с тобой, – процедил Иттан.

– Да ты чего, Иттан? – Свен присмотрелся. – Никак, грезил об Агнии, да? Я, признаться, тоже. Денег ей предлагал, меха, а она ни в какую. Ну и дура.

Понадобилось собрать всего себя, чтобы не накинуться на Свена и не растерзать его прямо здесь, на глазах у сотен горожан. Руки дрожали, сердце колотилось, и ненависть пеленой пала на глаза. Вдох и выдох.

– Угу, – промычал, все еще надеясь отделаться малой кровью. – Я пойду.

– погоди! Ты слышал, что нашу актрису отымела половина столицы? Да на ней клейма ставить некуда! – гоготнул Свен.

Иттан не сдержался.

Да пошли эти правила приличия к бесам!

Удар получился смазанным – в последнюю секунду Свен отшатнулся вбок. Но нос задело, и тот хрустнул. Кровь потекла по выглаженной рубашке. Иттан замахнулся вновь.

Сейчас он все ему расскажет. Покажет. Да еще и повторит при необходимости.

Их окружили зеваки, кто-то полез разнимать драку, впрочем, без должного энтузиазма. Иттан повалил тучного Свена на землю, уселся тому на живот. Он бил коротко, но часто. Выплескивал наружу всю боль, что поселилась в нем тем утром, когда умерла Агния.

Никто. Не. Смеет. Оскорблять. Ее. Память!

Свен закашлялся кровью, и только тогда Иттана силой оттащили прочь.

– Хорошего дня, – отрезал он и, показав подбежавшему стражнику удостоверение преподавателя академии, слился с толпой. Свен что-то верещал, но невнятно – не сильно-то поорещь с выбитыми зубами.

В академию Иттан ворвался точно смерч.

– Никого ко мне не пускать, – приказал секретарше.

Он заперся в кабинете с бутылкой коньяка и тарелкой пахучих сыров (как она их любила!), задернул шторы, откинулся на диване и предался воспоминаниям.

...Вот она, нагая и прекрасная, курит у окна, и горький дым плывет по комнате. Агния с наслаждением вдыхает, выпускает сизый дымок изо рта. А лунный свет стекает по светлой коже. Сигарета медленно тлеет, и пепел опадает на ковер.

...Вот она сосредоточенно изучает чистый холст, примеряясь к нему. Делает мазок, и на сером вырисовывается первая ветвь сирени. Вскоре вспухают почки, выпускают розоватые цветки. Агния закатывает рукава безразмерной – и явно мужской – рубахи, облизывает полные губы.

– Фу, как банально, – говорит она, и перечеркивает едва родившуюся картину

двумя черными линиями.

...А вот ее настигает очередной приступ «мигрени». Агния бессильно опускается на подушки и указывает на дверь.

– Выметайся, – не просит, но приказывает.

Меж ее бровей появляется морщинка, которую Иттану страсть как хочется разгладить поцелуем, но он покорно уходит, иначе Агния разозлится и запретит ему появляться в ее доме. Отлучит от тела. Так уже случилось: они играют по ее правилам. Встречаются тогда, когда позволит она. Не появляются вместе в обществе. А Иттан как мальчишка поддается, потому как все его мысли занимает эта женщина. Пусть она старше его на целых десять лет, пусть опытнее, пусть циничнее – она принадлежит ему. Об их связи знает разве что ее прислуга, но та научена держать язык за зубами.

Когда-нибудь она непременно разглядит в нем не только любовника, но и мужчину, человека, личность. Иттан готов ждать...

Дождался!

Ну почему он не схватил ее в охапку при первых же симптомах болезни и не увез к лучшим знахарям Валонии? Думал, всего-то мигрень – болезнь аристократии, – а оказалось, что все куда страшнее и глубже.

Коньяк жег горло, но напиток им не получалось. Иттан захлебывался, но глотал прямо из горла. В глубине тела, где-то под сердцем, свербело печалью. Но какой-то неправильной, блеклой. Разве можно так страстно желать женщину и так обыденно страдать по ней? Хотелось сотворить какое-нибудь безрассудство, позволительное человеку, потерявшему возлюбленную; что-то достойное эпатажной Агнии; но почему-то не получалось даже встать с места.

Потому Иттан доел сыры, отставил полупустую бутылку и уснул прямо на диване в рабочем кабинете, свернувшись калачиком, ощущая себя полным ничтожеством.

* * *

С утра все валилось из рук. В прямом смысле. На пол летела одежда, бумаги, даже чашка кофе. Последняя еще и разбилась на десяток осколков, а кофейная жижа некрасивым пятном окрасила светлый ковер. Иттан растер пятно пяткой и, неудовлетворенный результатом, позвал секретаршу.

– Вытрешь? – спросил он, пытаясь сладить с узлом на галстук.

– Ага! – Клаудия метнулась за тряпкой и, вернувшись, начала елозить по полу, отключив зад и выгибаясь как кошка. Она давно была влюблена в светлого декана, и тот ничего не мог поделать с ее одержимостью. Убеждал, что им не суждено быть вместе, ругал и даже грозился уволить – Клаудия безропотно соглашалась на все и продолжала оказывать неумелые, нелепые знаки внимания.

– А это правда, что вас... ну... – старательно натирая ковер, промычала она.

– Что меня – что?

Узел не поддавался. Иттан сдернул галстук с шеи, бросил на пол и подавил желание растоптать непослушную полоску ткани каблуком.

– Что вас отстранят? – Клаудия шмыгнула носом.

– Кто сказал? – Иттан скрестил руки на груди.

Секретарша села на коленки, затеребила тряпку.

– Слухи ходят, что новый ректор поменяет многих преподавателей, а вас понизит, – и добавила поспешно: – временно, пока вы не наберетесь опыта и знаний. Дескать, вы слишком молоды и пока не оправдываете возложенных на вас надежд.

Если честно, Иттан даже обрадовался – он давно пожалел, что в двадцать лет согласился взойти на должность управляющего светлым факультетом. Так уж вышло, что прежний декан скоропостижно скончался, не оставив ни преемника, ни времени подобрать ему замену, перед самыми выпускными экзаменами. И тогда было решено взять сына графа Берка, так, на недолгий срок, до утверждения подходящей кандидатуры. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, потому недавно Иттан справил пятилетие своей службы. Но получалось у него ой как плохо. Ему подсовывали детей, которым выкупили местечко в академии родители; с его мнением особо не считались и советов не спрашивали. А в прошлом году у студентов факультета начали пропадать магические силы, совсем, безвозвратно – в итоге оказалось, что кражей промышлял бывший ректор, ныне покойный. И без того слабый авторитет Иттана подорвался окончательно. Потому, может, и неплохо, что ему найдут замену.

Съездит на море или в горы – как давно мечтал. Жаль, не с Агнией.

Иттан болезненно поморщился, а Клаудия восприняла это по-своему. Вспорхнула как бабочка и подлетела к декану, закудахтав взволнованно:

– Да вы не переживайте, побудете помощником или ассистентом, а там все наладится! Уж мы все будем за вас просить. А я...

– Все нормально, – перебил Иттан. – Спасибо, что помогла с пятном.

– Что-то еще? – И преданно заглянула в глаза.

– Нет. Хотя постой. – Иттан вспомнил о брошенном на пол вчерашнем костюме и указал на него. – Отдай в стирку вещи. Только выложи кольцо.

Клаудия пошарила по карманам, выудила платок, мелочь, оторванную с мясом пуговицу. Развела руками.

– А нету кольца.

– Как нет?! – Он, схватив пиджак, вывернул карманы наизнанку, осмотрел на наличие дыр. – Быть того не может!

Иттан рухнул на пол, но и там кольца не обнаружилось. Под диваном нашелся носок, заросший пылью, но ничего более. Так же и под столом. И при входе. Иттан использовал кабинет вдоль и поперек под оханье секретарши. Впустую. Семейное кольцо с крупным бриллиантом круглой огранки исчезло. Куда, как? Где он его выронил или сознательно выложил? В храме? Нет, позже. Но когда?..

– Чем я могу помочь? – влезла Клаудия, и Иттан прогнал ее прочь, чтобы не сбивала. Напоследок она только успела бросить: – У вас в девять встреча с преподавателями.

Вытащили на площади? Нет, к нему никто не подходил. И сам он рук в карманах не держал. Выпало при драке со Свеном? Вряд ли.

Разве что...

Скрипачка! Неспроста она терлась об него: слышала, как звенят монеты в кармане, и обокрала. Эта дрянная воровка умыкнула кольцо, которое предназначалось Агнии!

Как у всякого приличного человека голубых кровей, у Иттана Берка имелись товарищи, о

знакомстве с которыми не принято распространяться. Например, Регс Стюа, бывший сокурсник, переквалифицировался из светлого колдуна в первоклассного слухача. Поняв, что магам платят втрое меньше, чем информаторам, он приманил воришек, нищих, калек и прочих сброд. Регс мог добыть все. Уже в час дня они с Иттано пили эль в неприметном трактире, главной особенностью которого было вьевшееся в дощатый пол пятно крови посреди зала.

— Какая нелегкая заставила тебя обратиться ко мне? — полубопытствовал Регс, почесав аккуратно выстриженную бородку.

— Вчера меня обокрали. Так сказать, жажду возмездия.

Иттан отхлебнул из кружки. На вкус напоминало обмылки, причем не первой свежести. Он обтер рукавом губы.

— И кто же? — Регс побарабанил по столу. Ногти его были чисты и ухожены.

— Темноволосая девчонка, тощая, лет пятнадцать от силы. Одета была в какие-то лохмотья. Волосы вьются.

— Ты сейчас охарактеризовал половину девиц из любого дома утех. — Регс хмыкнул, жадно отпил эля. — Да ты не кривись, вкусная штука, главное — привыкнуть.

Он взялся за кружку Иттана, допил и из нее тоже. При внешнем чистоплюйстве Регса безразличностью тот не страдал. И правильно — в воровском сообществе законы проще, и туда не примут человека, который откажется разделить одно пиво на двоих. Безразличность — значит, не уважаешь.

— Она скрипачка. По крайней мере, играть научена.

— Что нынче за воры пошли, которые для начала помучивают для жертвы, а после обчищают ее? — посетовал Регс. — Много стащила-то?

— Немного, зато какое. — Иттан с досадой топнул. — Семейное кольцо, дорогущее, там бриллиант размером с горошину.

Если она продала кольцо или — не дайте боги — нацепила его на свой грязный палец, ей несдобровать. Могла ведь утянуть что угодно, хоть кошелек с деньгами, но не прощальный подарок для Агнии.

— Неплохо, — протянул Регс, глянув в опустевшую кружку. — Ладно, как разыщу — дам знать. Если понадобится поучить ее уму-разуму — говори. Мои ребята с удовольствием расскажут, что воровать у приличных господ чревато проблемами со здоровьем.

Регс собрался уходить. Встал, отряхнув выглаженную штанину от невидимой соринки.

— Сколько я тебе должен? — Иттан протянул ладонь для рукопожатия.

— Для друзей оплата по факту, — белозубо улыбнулся Регс, пожимая руку. — Бывай.

Спустя секунду он затерялся среди посетителей, а вскоре и вовсе исчез из трактира. Как все-таки не вязался его франтовый облик — начищенные до блеска ботинки, подтяжки и запонки — с родом деятельности и местами, где Регс отирался. Иттан тоскливо глянул на кровавое пятно и, стараясь не дотрагиваться до липкой столешницы, поднялся.

Только бы эта скрипачка вспомнила, куда подевала кольцо: кому продала или где запрятала. Иначе придется-таки попросить «ребят» Регса пообщаться с ней. И хоть избивать женщин недопустимо, эту воришку за женщину и считать нельзя. Только крыса тяпнет за палец того, кто был с ней добр. Крыс нужно истреблять, дабы они не распространяли заразу — значит, и скрипачку при надобности отловят за хвост.

Академия жила привычной жизнью, такой славной и беззаботной, что Иттан, проходя мимо фонтана во внутреннем дворе, даже залюбовался молодой парочкой: юношей,

играющим на свирели для танцующей девушки, чьи медные волосы были уложены в замысловатую косу. Вздохнул. Не время прохлаждаться: еще согласовывать учебную программу на год.

Но едва Иттан переступил порог академии, как дорогу ему преградила зареванная секретарша. Бросилась на шею. Взыла.

– Что случилось? – Иттан отстранил Клаудию на расстояние вытянутой руки.

– Вас искал ректор, а когда узнал, что вы за пределами академии в рабочие часы, оставил записку. Вас... у-у-у... – Она подавилась истерикой.

Насквозь мокрая записка с потекшими чернилами обнаружилась в стиснутом кулачке. Иттан прочитал короткое послание, которое оканчивалось размашистой подписью, и усмехнулся.

– Немного словно. Да не реви ты, дадут тебе другого декана.

– Я вас хочу-у-у, – заливалась Клаудия. – Как он посмел у-у-увольнять вас та-а-ак...

– Не увольнять, – поправил Иттан, возвращая записку (не хранить же ее, в самом деле), – а смещать с должности.

Да, с Виитаро Монро у Иттана всегда были тяжелые отношения: декан факультета телепатии смотрел на светлого декана с неприязнью и частенько упрашивал понизить его до преподавателя или и вовсе специалиста. И все-таки сейчас Виитаро, едва вступив в ректорские обязанности, поступил неправильно, ибо сообщать о понижении нужно в лицо, а не трусливо – через клочок бумаги. Мол, ты не огорчайся, зарплату тебе выплатят, из покоев выгонят только через месяц, а работу, соответствующую твоему опыту и статусу, подберут в стенах академии. Да далась ему эта академия!

Их обступали студенты. Любопытные донельзя, они тянули шеи и перешептывались. Хихикали, округляли глаза. Потому Иттан встряхнул секретаршу за плечи. Та мотылялась как тряпичная кукла.

– Прекращай реветь. Ректор на месте?

– Да! – Клаудия громко высморкалась.

В кабинет Виитаро Монро Иттан ворвался без стука. На секунду ему захотелось, как прежде, трижды постучать и дожидаться короткого «Войдите!». Но то было с предыдущим ректором, с нынешним же, ведущим беседу посредством записки, не стоило церемониться.

– Объяснитесь, пожалуйста, – потребовал Иттан, усаживаясь на стул напротив рабочего стола ректора.

Виитаро, усаженный, подслеповатый старик, поправил пенсне, съезжающее с носа, и заскрежетал:

– Молодой человек, что за недопустимое поведение?

– Вы без объяснений отстранили меня от должности. Разумеется, я в бешенстве, – ответил Иттан, хотя бешенства в нем не набралось бы и на грамм. Он был спокоен, просто жаждал прояснить ситуацию перед тем, как уволиться и уехать из прогнившей столицы, где все напоминало об Агнии.

– Поймите меня, Иттан. – Виитаро опустил взгляд словно нашкодивший ребенок. – Я признаю воинские заслуги вашего отца перед государством. Также я благодарю вас за годы, дарованные факультету света. Но ваши квалификационные навыки вызывают... м-м-м... сомнения.

То есть пять лет не вызывали, а тут начали вызывать столь резко, что Виитаро не смог побеседовать с теперь уже бывшим светлым деканом, а быстренько вытурил его? Иттан

собирался озвучить это – разумеется, язвительным тоном, – но взгляд его зацепился за почти чистый стол. Разве что конверт с гербом в виде орла выделялся среди свитков и бланков академии.

Все стало ясно.

– Вас попросил отец Свена Лотта? – Иттан кивнул на вскрытое письмо. – За то, что я обидел его драгоценного сыночка?

– Что вы несете, молодой человек! – возмутился Виитаро, но рука его легла на конверт.

Трудно бороться с прихотью первого министра, особенно когда ходят слухи, что тот помыкает самым королем. Виитаро Монро всю жизнь посвятил академии, потому не хотел впасть в немилость короля из-за строптивого декана. И пусть.

– Не смею больше тратить ваше время. Заявление передам через секретаря, – сказал Иттан, откланиваясь. – Успехов.

– Что же вы, Иттан, такой неуравновешенный, зачем же все воспринимаете так горячо? – вдруг донеслось до него ехидное. Виитаро не скрывал злорадства. – Вы бы отваров попили успокаивающих, что ли.

Иттан повернулся и встретился с взглядом, полным превосходства.

– Вы радуйтесь, что вас за избиение в тюрьму не упекли, а всего-то с должности сняли. – Ректор убрал злополучное письмо в ящик стола, запер тот на ключ. – Так нет, вы опять на рожон лезете. Ну, уволитесь, а толку? Одумайтесь, пока вас не вышвырнули за дверь.

Это прозвучало с такой надменностью, что Иттан, в самом деле, ощутил себя неуравновешенным подростком, готовым нахамить, а лучше – ударить. Истинная сила в нем взбурлила так, что полынный запах ее поплыл по кабинету. Кулаки сжались.

– Вы и меня изобьете? – полубопытствовал Виитаро, поправляя пенсне.

– Какого вы обо мне мнения? – притворно удивился Иттан и вышел, мысленно отсчитывая до десяти, чтобы не сорваться.

Успокоив Клаудию (по правде, накачав ее до беспамятства травяным настоем), он сам разобрал канцелярию. И среди множества бесполезных писем, просьб и благодарностей нашлось кое-что, что на секунду заставило улыбнуться. Коротенькая весточка, запечатанная сургучом с гербом правящего дома Пограничья, страны теней.

Леди Сольд эр Вир-дэ успешно разрешилась от бремени. Ровно в полночь семнадцатого дня первого солнечного месяца первенец лорда и леди издал первый крик.

Сольд, давняя подруга Иттана, которая вышла замуж за лорда теней (добровольно связала себя с теньями – безумная девчонка!), месяц назад родила мальчика. Хоть у кого-то жизнь удалась.

К вечеру того же дня Иттан собрал по коробкам все вещи, которые хранились в казенной спальне академии. Приказав слугам перенести их в отчий дом (то-то маменька обрадуется, что сын вновь будет жить в семье), он оглядел опустевшую комнату. Пять лет обставлял ее по своему вкусу, а теперь – ничего. Ни отголоска души прежнего хозяина.

А многочисленные учебные наработки он по чистой случайности закинул в камин, который – тоже по случайности – разжег. И все, что было накоплено им за пять лет работы: учебные планы, методики, рекомендации, графики, – исчезло в жадном пламени.

Какая досада.

Повозка ожидала у ворот академии, но Иттан не успел подняться в нее. Из темноты явился некто, прокашлялся, привлекая внимание. Лицо его закрывали широкие полы

капюшона. Громадное тело скрывал плащ.

– Я от Регса, – прогнусавило существо неизвестной расы. – Ваша скрипачка найдена.

– Где она? – Сердце затрепыхалось в грудной клетке.

– Прикажите извозчику сменить маршрут. – Существо шустро влезло в нутро повозки. –

Угол Дубовой и Кленовой. Давайте же!

Иттан мысленно распрощался с академией, влез в повозку, которая стала маленькой от присутствия незнакомца.

Извозчик ударил кнутом, и лошади поплелись по улочкам столицы. Всю дорогу существо (судя по габаритам, рынди – только у этой северной расы мужчины внешне напоминают платяной шкаф, а ударом кулака легко проламывают стену) молчало, лишь пыхтело сквозь зубы. На вопросы незнакомец не отвечал. Иттан, усвоив, что вести с ним светскую беседу не собираются, отвернулся к оконцу.

Они подъехали к самой окраине города. Дома сменились лачугами, чаще необжитыми, разваленными, наклонившимися одним боком к земле. На многих не хватало крыш, от других остались остовы. Почва была болотиста и чавкала под колесами. Кисловатый запах гнили разъедал ноздри.

Мурашки поползли по позвоночнику.

Лошади замерли посреди тропы, по обе стороны которой тянулись поля, заросшие бурьяном и осокой.

– Приехали, – оповестило существо в капюшоне и, кажется, хрюкнуло от предвкушения.

Трауш эр Вир-дэ

Огонь в камине пожирал поленья, но леди, с ногами забравшаяся в кресло, мерзла. Она зябко грела ладони у каминной решетки, шурилась, вглядывалась в танец языков пламени.

С того дня, как детский крик разорвал настороженную – все до единого тревожились за роды любимой хозяйки – тишину поместья Вир-дэ, Сольд постоянно замерзала, мало ела и совершенно не заботилась о своем здоровье. Ничем не болела, но таяла на глазах. Младенец, напротив, окреп и уже научился улыбаться; леди же меркла, даря ребенку всю себя без остатка. И это при том, что за сыном денно и нощно следила кормилица, лишь изредка выдавая его в материнские руки.

– Ну а что вы хотели, – разводил руками личный лекарь правящей семьи. – Вообще чудо, что Сольд разродилась от бремени, при ее-то хрупком здоровье. К тому же ваша супруга вечно истощена, что обусловлено некоторыми... – в этот момент он обычно запинаясь, потому как не мог подобрать нужного слова, – особенностями ребенка.

Трауш хотел одного: чтобы его леди здравствовала. Чтобы щеки ее вновь горели румянцем. Чтобы она перестала быть задумчивой и вялой. Ночами он грел ее теплом своего тела, подолгу боясь заснуть и даже сдвинуться, только бы не нарушить дрему вечно изнуренной Сольд.

Сейчас она потерла ладонь о ладонь – тонкие пальцы подрагивали не то от усталости, не то от холода – и сказала тихо, но решительно:

– Нашему сыну нужно имя.

– Сольд. – Трауш встал за ее спиной, погладил по отросшим волосам, не собранным в косу; огонь напалит их рыжим оттенком. – Ты помнишь, я согласен на любое, которое выберешь ты сама.

– Наш сын не может оставаться безымянным, – тверже ответила она. – Скоро день благословения, и к тому времени *ты* должен определиться с именем. Наследника называет отец, а не мать.

Как же объяснить ей, что Трауш не хотел называть ребенка вообще? Что сама мысль о том, что его сын будет принят богами в этом имени, вызывала отчего-то лютую ярость? Пока малыш был краснощеким игрушкой, он казался незначительным, почти нереальным. Но когда он будет назван – боги нарисуют ему линию жизни.

И тогда лорду придется смириться с тем, какой у него наследник.

Трауш несколько раз предлагал имя наобум, но Сольд только качала головой.

– Я подумаю, – в сотый раз пробормотал он, выходя из залы.

Лопатками почувствовал опечаленный взгляд жены.

Сын спал в колыбельной, укутанный шерстяным одеяльцем с вышитой на том монограммой рода. Пухлые губы были приоткрыты, ресницы дрожали, кулачки сжимали краешек подушки. Трауш посмотрел на него так внимательно, что ребенок захныкал.

На плач тут же прибежала кормилица. Дородная молодая блондинка, ее выбрала сама Сольд. Кормилица воспитывала трехмесячную дочь, но любила обоих детей одинаково. Даже странно, как можно любить кого-то чужого, заботиться о нем как о своем собственном?

– Ну-ну, – она прижала младенца к груди, и тот успокоился, – ну что ты, это всего лишь

папа.

Из ее уст это слово – папа – звучало так спокойно и гладко, будто речь шла о самом обычном мужчине, а не о высоком лорде Пограничья. Сам Трауш никогда не называл своего родителя «папой», только «отцом», потому как считал первое обращение неуважительным и простецким.

Папа...

Если бы. Папы не желают своим сыновьям смерти.

– Хотите взять его? – Кормилица протянула ребенка, и тот заелозил, недовольный тем, что его оторвали от теплого тела.

Трауш покачал головой.

Этот младенец иссушил мать. Он пожирал ее и сейчас, хотя Сольд и утверждала, будто все в порядке.

Ее беременность проходила обычно. Лекарь приезжал в поместье еженедельно, но в первые месяцы не находил ни единой патологии. Правда, сама Сольд побледнела, слегла с дурнотой – но лекарь успокоил:

– Это естественная реакция женского организма.

В какой-то момент Трауш ощутил себя полнейшим глупцом, потому как трепетно следил за каждым вздохом жены. Сольд посмеивалась:

– Прекращай. Младенец не способен убить меня.

И поглаживала себя по едва округлившемуся животу.

Так было до тех пор, пока Трауш не застал свою леди в саду. Она стояла недвижно, зачем-то вытянув правую руку, и сжимала-разжимала пальцы.

– Что-то не так? – спросил Трауш с опаской.

– Я слышу истинную силу, – просто сказала Сольд. – Она льется внутри меня.

И крутанула запястьем. Высокий лорд прислушался чутьем к жене. Та была спокойна.

– Не понимаешь? – продолжила, улыбаясь. – Во мне неоткуда взяться истинной силе, я же пустышка. Пока не наполнюсь ею извне – она не появится. Но магия пребывает. Смотри.

Из-под ее пальцев вырвалась маленькая снежная буря.

Трауш переводил взгляд с рук жены на ее живот. Он понимал, на что Сольд намекает.

– Думаешь... ребенок?

– Возможно, ему суждено стать великим колдуном. – На щеках заиграл румянец.

Но дни текли друг за другом, и тихая радость сменилась растерянностью. Сольд все чаще пропадала в библиотеке, читала о магии. Писала матери, и та уверяла, что в их роду дети никогда не проявляли себя в утробе.

В тот вечер, спустя семь месяцев со дня зачатия, Трауш возвращался домой в дурном расположении духа. Сердце чуяло неладное. Леди не обнаружилось в спальне, не было ее ни в саду, ни в столовой.

Мертвенно-белая Сольд лежала без сознания посреди библиотеки. Губы ее посинели. Щеки впали. Она дышала тяжело и тихо, почти неслышно. А сквозь большой живот проглядывались очертания ноги или руки. Ребенок пинал мать.

На сей раз лекарь осматривал Сольд с тревогой. Шептал что-то, пересыпал порошки. Позвал жреца, и вместе они долго изучали очнувшуюся леди. Та безропотно выполняла все их указания.

– Ваш сын напился стихийной магией. – Вердикт был странен. – Тот выброс, который случился зимой, после вашей стычки с братом, вобрал в себя плод. Ребенок – не просто маг.

Он – сама стихия. А стихия всегда голодна.

– Ему не хватает *моей* силы, понимаешь? – добавила Сольд. – Он будто ест ее. Мне приходится потихоньку тягать резерв из теней, потому как иначе я полностью истощаюсь. Мне страшно, – впервые призналась жена.

С того дня Трауш перестал считать то, что росло внутри высокой леди, сыном. Оно было монстром. Чудовищем. Тварью, недостойной жизни.

Но на предложение избавиться от младенца Сольд – напоминающая скелет, обтянутый кожей, – отреагировала категорическим отказом:

– Это наш первенец, и я готова умереть за него, если придется.

Траушу пришлось смириться с волей жены.

Он появился на свет в середине лета. Роды были мучительно долгими, но когда они кончились, а на грудь матери положили вопящего младенца, Сольд расплакалась.

Трауш слышал первый крик сына и всхлип супруги не слухом, но чутьем, бродя по кабинету взад-вперед, не находя себе места – Сольд не допустила его до спальни. Хмыкнул и залпом осушил стакан виски. Уже не первый стакан. Все шестнадцать часов родов он не покидал поместья.

Ждал.

Заливал страх алкоголем.

Надеялся, что произойдет чудо и пуповина обовьет шею младенца. Задушит его в чреве.

Но тот справился.

Что ж, ребенку было суждено жить. Пока.

Иттан

– Обожди тут, мы скоро, – крикнул извозчику незнакомец, чуть успокоив дурное предчувствие Иттана. Да и в целом переживать было не о чем: Регсу незачем устраивать ловушку. Мертвый клиент неплатежеспособен.

– Смотрите под ноги, господин. – Существо придержало дверцу. – Тут полно всякой дряни. Нет, магический огонь не жгите, – опередило оно бывшего светлого декана, который собрался щелчком пальцев зажечь «светлячка». – Мало ли кто потянется на свет.

Иттан шурился, но темнота – чернильная, глубокая, поедающая – обволакивала. Потому он спотыкался как слепец, по щиколотку увязал в воде и шарил вокруг себя руками, а провожатый шел спокойно, точно помнил тут каждую кочку. Впрочем, может, и помнил. Иттан ругался сквозь зубы и все порывался развернуться. Останавливало его только то, что сзади темнота была не менее густой и выбраться из нее самому не представлялось возможным.

– Долго еще? – спросил он, запнувшись о что-то, смутно напоминающее мягкое тельце живого (или некогда живого) существа.

– Нет, господин, вон, виднеется уже.

С горем пополам они вышли к одноэтажной развалине. Раньше тут имелся забор, но он лишился половины досок и издали (Иттан уже привык к тьме, потому мог всмотреться) напоминал клыкастую пасть какого-то чудища, вылезшего из трясины.

– Заходите. – Незнакомец отворил перед Иттаном дверь, пропуская вперед.

Стало окончательно не по себе. Ночь, безлюдный пустырь и существо, дышащее с посвистом, стоящее за спиной. Так немудрено и головы лишиться.

– К чему эта конспирация?

Иттан приготовился обороняться, но оказалось, что опасаться нечего.

– Зажигайте свет, – разрешил провожатый, задвинув щеколду.

Свечение «светлячка» зеленою разбежалось по единственной комнатухе дома. Незнакомец скинул капюшон. Да, рынди. Лицо в оспинах, нос с горбинкой, зато улыбка широченная, белые волосы вьются.

– Извините за кон-стира-тцию, – выговорил по слогам и все равно ошибся, – просто тут, кроме нашего брата, всякие гады ошиваются. С иными мне знакомиться уж больно неохота.

– Мог бы и предупредить, а не водить по темени.

Иттан пустил «светлячка» по углам, чтобы рассмотреть, куда его завела нелегкая. Тряпье, мусор, трухлявые доски, объедки. Ничего путного. Все мало-мальски ценное давно растащили.

– Так я это... – рынди вздохнул, – не подумал.

Неудивительно. Работа телохранителей-рынди – не думать.

– Где Регс?

– Дык там, внизу. – Указал на пол, и не сразу, но Иттан рассмотрел колечко дверцы, ведущей в подпол. – Ща спустимся.

На сей раз провожатый полез первым. Внизу оказалось просторно и относительно чисто, не считая угрожающего вида инструментов, валяющихся на столе у правой стены. Тут

были и клещи, и щипцы, и зажимы, причем все настолько ржавые, что порыжели. Стало не по себе – но о предназначении инструментов Иттан предпочел не любопытствовать. Горели факелы. Посреди подвала стоял крепко сколоченный стул (явно притащенный извне), к спинке которого за талию и руки примотали кучерявую девчонку. Она дергалась и крутилась, но стул выдерживал, не заваливался. Рот ее был завязан тряпьем, потому вместо слов вырывалось мычание. Регс гладил скрипачку по волосам и повторял:

– Ну-ну, кисонька, в следующий раз не будешь тырить у приличных граждан их вещички.

– Что за игры, Регс? – Иттан зябко повел плечами. От земляных стен шел холодок. – Езжай до упора, пройди три шага направо, сплунь через левое плечо и будет тебе счастье?

– Не, ну а где я, по-твоему, должен был нашу красоту прятать? – Регс похлопал девицу по щеке, и та остервенело замотала башкой. – Прямо среди улицы? Так дела не делаются. Принимай товар, целенький и почти нетронутый. – Гоготнул. – Нам покараулить снаружи или помочь в допросе?

Провожатый-рынди показательно хрустнул костяшками пальцев. Скрипачка зажмурилась, и Иттан, сжалившись, отмахнулся.

– Если что – позову.

Вскоре шаги стихли, и Иттан остался наедине с искомой воровкой. Та насупилась – будто неповинная овечка, а не преступница – и опять замычала. Иттан подковырнул веревку, стянул со рта. Первое предложение, сказанное девицей, состояло исключительно из бранных слов. Следом она и вовсе плюнула в Иттана – промахнулась.

– Чего тебя не устраивает, а, дядь? – Воровка надула тонкие губы. – Музыка моя, что ль, не понравилась? Так я, извините, школ не кончала.

– Где кольцо? – Иттан приблизился нос к носу.

– Какое? – Девица поморщилась.

– Мое. Оно пропало после общения с тобой.

Захлопала ресницами, пожевала щеку, точно припоминая. В отсветах пламени ее лицо приобрело рыжеватый оттенок. В глазах плясал огонь. Наконец, воровка выдала:

– Развяжи меня. А то ничегошеньки не скажу.

– Не в твоих интересах спорить.

– А что в моих? Ну, зови своего громилу. – Она облизала нижнюю губу, и только сейчас Иттан заметил, что та рассечена. Да и на щеке, прикрытой кудрями, наливался синевой синяк. – Ну, изобьет он меня, ну и что с того? Развяжи и поговорим нормально, по-людски.

Не то чтоб Иттан проникся речью воровки, но чем эта тщедушная особа навредит колдуну, пусть и светлому, а не боевому? Веревка долго не поддавалась, но в итоге девица вскочила со стула, потрясла ногами, зашипев:

– Как же все онемело! Ай-ай-ай! – Она с наслаждением почесала в немой голове. Да у нее вши, с тоской подумал Иттан, и ему почудилось, что кто-то ползет по его волосам. – Так какое кольцо, дядь, ты чего? Я колец не брала. – Потерла запястья. – Ты мне, значит, монету дал, а я тебя в благодарность обокрала? Клянусь чем угодно, хоть невинностью своей, что никакого кольца не трогала.

Ну, в невинности оборванки Иттан сомневался, что до остального – складно говорит. Даже с некой обидой, дескать, какого ты обо мне, честной попрошайке, мнения? Где это видано, чтобы такие, как я, воровали?

– Мне твоему честному слову верить?

– Ну пусть меня тот урод вонючий допрашивает. – Воровка пусть и храбрилась, но

кинула затравленный взгляд на шаткую лестницу. – Вешай на меня эту кражу, да только зазря. Во мне честь осталась, я не гажу там, где ем. – Помолчав, она подняла указательный палец. – О, слушай. Дай мне два дня, и я разузнаю все о твоей безделушке. Авось где обронил, кто-то ее поднял, кому-то продал.

– Иными словами: позволь мне улизнуть достаточно далеко, – со смешком поправил Иттан и оседлал стул, уложив локти на спинке.

– А что ты теряешь? – Девушка принялась чесать макушку так усердно, что рисковала дочесать до черепа. – Твои громилы опять отыщут меня и приведут сюда. В моей норе кольца нет. Эти гады, – она добавила и другое словечко, из числа тех, о которых приличным женщинам лучше не знать, – все верх дном перевернули. Сбыть бы я его не успела. При мне тоже пусто. Где я его, по-твоему, спрятала?

– В любом тайнике, – подсказал Иттан, покачивая ногой.

Смешная она, убеждает так горячо, будто он уверует в чистоту ее помыслов и отпустит восвояси. Девушка простонала:

– Да не брала! Ну поверь! Разрешаю переломать мне кости в случае чего. Куда я денусь, а?

В голосе звучала безысходность, какую не выдумать и не сыграть. Иттан встал, задумчивый и недовольный происходящим. В глубине души он надеялся, что с перепугу девушка тотчас вернет краденое.

Наивный, ага.

– Ломать кости – это грубо. И вообще. Как ты собралась что-либо искать, если никогда моего кольца не видела? – спросил с ехидцей.

– Так ты расскажешь, как оно выглядело. – Воронка дернула плечиком. – Камень там есть?

– Есть, чистейший бриллиант.

На этих словах она присвистнула.

– Что еще?

– Ободок тонкий, из светлого золота.

– А что, золото бывает разное? – неподдельно изумилась она.

– Угу. – Не лекцию же о видах драгоценных металлов проводить. – А, огранка круглая.

– Какая-какая?

– Круглая. – Иттан вздохнул. – В общем, не важно. Ориентируйся на большой камень. И учти – глаз я с тебя не спущу. Управишься за два дня, иначе будешь сама кольцо отрабатывать.

Он, правда, не придумал, чем именно отрабатывать. Не на кухню же ставить и не в полумойки определять.

И вообще, может, не стоит покупаться на ее нелепую отговорку? Явно же врет, вон, даже о кольце не спросила – готова была какое угодно искать.

А с другой стороны, ну что с ней делать? Щипцами зубы рвать или избить до полусмерти? Зачастую ожидание гораздо действеннее, чем непосредственно наказание. Воронка знает, что она на крючке – и ей не спастись, пока она не добудет кольцо. Пусть побарахтается, поищет.

– Два дня, – повторила она, сосредоточенно кивнув.

Девушка никуда бежать не планировала – уселась на пол, прижав колени к груди, и прикрыла веки. Запела какую-то мелодию, известную одной ей. Монотонно, но отчего-то завораживающе.

Наверху дышалось легче.

– Можешь приставить к ней кого-нибудь на пару дней? – Иттан отряхнул рукав от налипшего кома пыли. – Разумеется, за отдельную плату.

– За отдельную плату я эту оборванку хоть богиней нареку, – потер ладони Регс. – А чего она?

– Не раскалывается.

– Так ты колоть не умеешь. – В подтверждение слов начальника рынди загоготал. – Где крики, где мольбы о пощаде? Вы там что, тискали друг дружку в уголке? Как ты только со студентами управлялся? – Регс пальцем поманил рынди. – Пойдем, Грик, побалакаем с ней о нашем, о мужском.

– Не стоит. – Иттан напрягся. Наблюдать за тем, как эти двое сломают девчонку, пусть даже такую, он не хотел: она либо отыщет кольцо, либо нет – третьего не дано. – У нее сорок восемь часов на поиски, а там посмотрим.

Регс поправил манжеты рубашки, блеснул запонками.

– Договорились. Тогда с тебя для начала двадцать золотых. Пойдешь прощаться?

– Нет. – Иттан выудил из кошелья сумму, которую простолюдины не тратят и за полгода. Хорошо, что знал, с кем имеет дело, и запасся. – Спасибо.

– Спасибо не звякает. – Регс пересчитал монеты, погладил их как живые и спрятал в карман. – Тогда дальше мы сами. Грик, проводи господина до повозки.

– Только не бей ее.

– Да за кого ты меня принимаешь? – притворно возмутился бывший сокурсник.

В тишине, прерываемой разве что ворчанием болотных жаб, они с рынди вышли к посапывающему извозчику. Настроение было паскудное. Слабая надежда на то, что девица удумала носить кольцо, а не продала его за медянку, растаяла утренним туманом. К чему с ней бороться? Пустое. Будет отрабатывать. У Иттана есть два дня, чтобы придумать, чем воровка может ему сгодиться.

А потом он уедет. Агния мертва, кольцо утеряно, должность декана перейдет кому-то иному. Сама судьба намекает, что настало время навсегда покинуть Янг – тут его ничто не держит.

Тая

Когда крышка над головой захлопнулась, я позволила себе разреваться. Все, что скопилось за вечер, выливалось наружу солеными, едкими слезами. Сердце колотилось дико, бешено, и его биение невозможно было обуздать.

Не сдаваться.

Драться.

Кусаться.

Делать что угодно, только бы выжить!

Нынешним вечером, укладываясь спать в своей норе, я не подозревала, где вскоре окажусь.

О поздних гостях оповестил Кейбл.

– Малышка, к тебе пришли. – Он легонько пихнул меня остроносом сапогом под ребра. – Веди себя хорошо.

Я скорчилась (не больно, но неприятно) и сцепила зубы, чтобы не выругаться. Смешно, но страшила Кейбл не терпел брани и лупил за нее до синяков. Потирая бок, вышла в общую залу, где обитатели Затопленного города собирались за редкими трапезами. За грубо сколоченным столом во всю длину залы сидело двое. Импозантный мужчина, совсем молодой, одетый в накрахмаленную рубашку, из наружного кармашка которой торчал синий платок, о чем-то негромко переговаривался с мужланом под два метра ростом. Мужчина был красив, даже очень – и бородка его ровно стриженная, и взгляд из-под по-девичьи длинных ресниц, и осанистость.

Второй гость оказался рынди, жутковатым, матерым, с лицом словно слепленным из воска. Я глянула на него с интересом, все-таки сородич. Когда-то давно мои родители покинули страну рынди и поехали покорять Валонию. Но не смогли выстоять, сломались, оказались в Затопленном городе, где я и родилась.

Заняв скамью напротив, я вопросительно посмотрела на мужчину с бородкой. Наверное, он главный.

– Ну, Тая, признавайся, зачем ты обокрала господина Берка? – вместо приветствия заулыбался мужчина.

– Кого? – Склонила голову набок.

Сердце тревожно стукнуло и затаилось. Ни одна нормальная беседа не начинается с подобного вопроса – уж это я усвоила наверняка. Чаще всего несчастного, у кого спрашивали что-либо столь проникновенным голосом, в лучшем случае находили в сточной канаве с перерезанной глоткой, а в худшем – не находили вовсе.

– Вероятно, он не представился. – Мужчина выставил ладонь, требуя моей руки. Я боязливо подала ту. Пальцы, мягкие, как младенческие, помассировали кожу. – Тебе нечего опасаться, я хочу стать тебе другом. Сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – с легкостью соврала я.

Мне повезло уродиться тонкокостной и низкорослой, с детскими чертами лица и писклявым голосочком. Потому-то о моем истинном возрасте знали разве что свои; для других я была подростком. Все-таки к малявкам относятся снисходительнее.

– Совсем малютка. – Мужчина причмокнул. – Ты же не хочешь умереть так рано? – Его пальцы сжались как клещи, вывернули мое запястье. Я ойкнула. – Скажи, где его вещь, и тебя никто не тронет.

Рынди встал и, обойдя стол, оказался позади меня. Одной рукой обхватил мою шею – я и дернуться не успела, – надавил большим пальцем на горло. Воздуха стало так мало, что каждый его глоток врывался с резью. Радужные пятна поплыли перед глазами.

Это конец...

Пальцы разжались, когда мир вокруг померк. Я задышала тяжело, часто.

– Какая вещь? – прохрипела.

Мужчина жестом приказал напарнику приблизить меня. Рынди намотал мои волосы на кулак и подтянул к главному, а тот отвесил мне пощечину. Несильную, но ощутимую. Обидную. Из разбитой губы потекла кровь.

– Лжешь. Впрочем, твой выбор. Поехали.

Рынди рывком перекинул меня через плечо, и парочка двинулась к выходу. Я всхлипывала от страха, но никто не вылез из своих ниш-нор – боялись. Кто же этот мужчина в накрахмаленной рубашке? Какой-то важный и опасный типчик, раз уж даже Кейбл не побежал вызволять свою игрушку.

В норах воцарилась тишина.

А страх осел осклизлым комом внизу живота.

Меня притащили в подвал хижины на краю города, и рынди привязал меня к стулу, затягивая бечевку с такой дикостью, что кровь перестала поступать в перетянутые конечности. Пальцы занемели. Больно. На рот нацепили вонючее тряпье, добытое тут же. Рынди куда-то делся, и я осталась наедине с мужчиной.

– Сладкая девочка, – промурлыкал он в ухо. – Если исполнишь парочку просьб личного характера, я дам тебе на леденцы и новое платишко.

Пальцы провели по шее, помассировали плечи вроде бы с нежностью, но так мерзко. Я скривилась от отвращения.

– И на скрипке мне сыграешь, договорились? – обволакивающим голосом бормотал мужчина, поглаживая мой живот. – Кивни, если согласна.

Нет, нет и нет.

Злые слезы потекли из глаз. Я хотела бодаться и кусаться, но сверху донесся хлопок – наверное, порыв ветра отворил дверь, – и мужчина, извинившись, что вынужден прерваться, удалился. Я отсчитывала про себя удары сердца, силилась стянуть путы, но руки-ноги совсем не слушались.

Все, допрыгалась.

Мужчина в накрахмаленной рубашке вскоре вернулся, но больше меня не лапал. Бродил по подвалу, заложив руки за спину. Ну а потом в подпол влез светловолосый человек. О, а я помню его. Он просил сыграть на скрипке! Сутулился еще, а в глазах такая тоска дикая стояла, что отказать ему было невозможно. Вот она, человеческая благодарность.

Я к нему с благими намерениями, а он меня в подвал притащил...

Знала же, что все верхние гады, что они только кажутся улыбчивыми и мягкими. И этот – не исключение. У него все есть: и одежда, шитая в специальной лавке, и денег полный карман, и живет он как ему вздумается. Хочет – по трущобам гуляет; хочет – кушает в дорогих ресторанах, рядом с которыми я и пройти не могу: стражники гонят оборванок прочь, да еще грозятся «лицо разукрасить», если вновь заприметят.

А теперь думай, что этот напыщенный белобрысый решит? Согласится ли отпустить меня или оставит погибать?

Мы поговорили, и он ушел. Не поверил, посмеялся только надо мной как над чокнутой какой-то. Сказал: «Будешь кольцо отрабатывать», а после так усмехнулся надменно, будто я не способна работать.

Секунды текли. Тишина давила на уши, а холод заполз под рубашку. Мучители вернулись, но светловолосого человека с ними не было.

– Ну-с, очаровала ты господина Берка, – фыркнул мужчина. – По его настоянию пообщаемся с тобой позднее. Ищи его колечко, сбегать не вздумай. А это тебе на память, чтоб понимала всю серьезность наших намерений.

Я даже не успела подумать, откуда именно ждать подвоха. Не успела сгруппироваться. Громила-рынди обхватил мое запястье, вытянул указательный палец и хрустнул им.

Вскрик вырвался из горла, но я сцепила зубы. Мелочь, ерунда, бывает и не такое. Сломанный палец – это не проблема, так, небольшая работенка для Кейбла.

...Спустя, наверное, целую вечность, вновь упав лицом в лежанку и баюкая ноющий палец – Кейбл вправил его обратно и перетянул жгутом, но обезболивающая настойка у него кончилась, – я обдумывала, как выбраться из передраги.

Злополучное кольцо лежало под камнем, в нише. Там я хранила все свои скудные сбережения: кучку монет да серебряную цепочку, прощальный подарок от матери. Белобрысый дурень сам виноват, что носил кольцо в пиджаке: сунула руку в карман, а оно в ладонь легло, точно само просилось. Я, конечно, школ не кончала, но сразу скумекала, что колечко-то не из дешевых. Продала бы его и купила себе комнатуху в многоквартирном доме и даже осталось бы на сапожки, обязательно с каблучком и перекрестной шнуровкой.

Но не видать мне ни комнаты, ни сапожек.

Живой меня за воровство у человека из верхних не оставят – это точно.

Иттан

– Разбирали, значит, ее вещи, и что, как ты думаешь, там обнаружили? – ворковала матушка, обращаясь к сестрице Рите, пучеглазой одутловатой женщине с напрочь прокуренным голосом. Тетушка свое личное счастье так и не обустроила, более того – истратила на путешествия и платья все состояние и теперь была вынуждена напроситься в дом успешной старшей сестры. Разумеется, Рита завидовала Аните Берк, муж которой был удостоен медали от самого короля, сын получил должность декана, а сама она в пятьдесят лет не растеряла былого обаяния и свежести.

Иттан вошел в гостиную, но, застав там мать с тетушкой, собирался выйти, потому как не терпел материнских сплетен, пускай всегда правдивых, но таких грязных, что после них хотелось окунуться в щелочь.

– Что? – спросила Рита, облизывая языком желтоватые зубы. – Не удивлюсь, если эта Агния купалась в крови девственниц.

Иттан остановился у стеллажа, сделал вид, будто выбирает книгу. Теперь и ему стало интересно, что же нашли, копаясь в вещах недавно скончавшейся женщины.

– Если бы! – Матушка понизила голос, дабы добавить сказанному таинственности. – В столе лежали десятки неотправленных любовных писем от нее к разным мужчинам, женатым и свободным, старым и молодым. Слуги уже подтвердили, что ее дом ежедневно посещали любовники. Фу, как представляю – тошнит! Представляешь, каков будет позор, когда обнародуют имена?

Книга рухнула на пол, открылась на середине. Сестры повернулись к Иттану в немом вопросе.

– Извиняюсь, – сказал тот, поднимая книгу и цепляя среди строчек слово «Конец».

Действительно, конец. Плевать на список имен, Иттану не стыдно признать связь с Агнией. Но она изменяла ему с кем-то. Нет, не так: много с кем! Или даже иначе: изменила кому-то с ним. А он, кретин, мечтал о совместном быте и том, как представит ее родителям. Кольцо ей обещал...

Нет! Невозможно. Клевета! Агния не такая, она актриса, потому к ней заходили многие: от бродяжек, которым она подавала тарелку горячего супа, до министров, очарованных талантом и красотой. А столичные сплетницы исказили реальность, чтобы опорочить образ ненавистой им женщины. Агния чиста.

Была чиста.

– А ты не слыхала, что на похоронах ее сценка приключилась? – Рита хихикнула в кулак. – В общем, ходило двое или трое мужиков и уверяло присутствующих, будто их с Агнией связывали теплые, – протянула она, – отношения.

– И что? – Матушка покачала головой.

– А ничего. Их посчитали обезумевшими от горя поклонниками. А вон оно как вышло. Ну и грязная она была, насквозь пропитанная похотью. Не зря я ее на дух не переносила.

Иттана перекосило от злобы. Ложь! Гнусная неприкрытая ложь. Бред, рожденный чьим-то воспаленным мозгом. К чему Агнии делить постель со многими? Ради какой выгоды?

Невозможно. Глупо. Омерзительно!

Он почти высказал матери, что нельзя верить всему сказанному, но вовремя прикусил язык. Толку спорить с ней, да еще при Рите, которая потом будет ахать и охать, мол, совсем твой сынок распоясался, мать не уважает, в словах твоих ищет обман.

Впрочем, если имя Иттана всплывет в общем списке, опозорив тем самым род Берков, Рита знатно поглумится над сестрой.

Да существует ли тот список?

Наскоро одевшись, Иттан поехал на кладбище, где среди мраморных статуй, в тени кленов, покоился прах знати Янга. В городе мертвых всегда царила особая тишина, словно призраки замолкали, завидев на своей территории чужака. И статуи существ – людей, рынди, ави, – застывшие навеки точно в танце, провожали Иттана внимательными взглядами. На могиле Агнии имелось только надгробие. Года жизни, фамилия, имя, но без эпитафии. Ее статуя уже была заказана. Иттан слышал от матери, что скульптор обещал изготовить ту не раньше первого осеннего месяца. Зато цветов было столько, что надгробие терялось за пестротой лепестков.

Иттан не верил сюжетам книг или пьес, где герой приходил к могиле любимой женщины и стоял над ней в полном молчании, но сейчас он сам превратился в такого мужчину. Просто смотрел на цветы, мысленно пересчитывая бутоны. Кусал губу. Ненавидел Агнию за ложь – мигрень, конечно! – и восхищался ее стойкостью.

Болело.

Рвало.

Выворачивало наизнанку от одиночества.

Так ничего и не высказав из пережитого, не нарушив вечной тишины, он уехал с кладбища. И мертвецы провожали его шелестом листвы.

Если понадобится, он отстоит честь Агнии. Признается перед всеми, что был ее единственным любовником. Пусть перебивают косточки ему, но не ей. Агния чиста! Была и будет.

А у ворот дома обнаружилась девчонка из недавнего прошлого. Она стояла, прислонившись к кованому забору, недалеко от парадного входа – прохожие посматривали настороженно на гостью из мира нищих – и безостановочно чесалась.

Надо же, и дом его нашла без подсказки – какая сообразительная девочка.

– Здравствуй, – сказал Иттан, держась на расстоянии. – Разыскала кольцо?

На впалых щеках девицы проявились ямочки.

– Ага, – улыбнулась она, становясь вдруг милой и даже симпатичной. – Почти. – И тут же скусила. – Только они мне его не отдают.

– Они – это кто?

– Кто-кто. Скупщики, разумеется. – Девица глянула на дом в прорезях забора. – Какой красивый. Высокий! Везет тебе жить в таком.

– Угу, – подтвердил Иттан. – И чего скупщики хотят?

– Денег, – дернула она плечиком, и холщовая рубашка слетела с острого плеча. – У нас расценки другие, потому сумма небольшая, но мне, знаешь ли, и золотой взять неоткуда. Дай золотой? – предложила нервно. – Я сегодня же принесу кольцо, а ты прикажешь тому мужчине с бородкой отвалить от меня. Я его жуть как боюсь. – Девица шмыгнула вздернутым носом. – Он мою скрипку надвое переломал.

– И что с того? – Иттан зевнул. – Мне плевать, у кого кольцо и как ты его добудешь. Мужчина с бородкой, как ты выразилась, отвалит исключительно после того, как я получу

краденое.

Иттан протиснулся меж девицей и забором, направился к воротам. Она семенила следом и недовольно пыхтела.

– Обещаешь, что он больше не придет?

– Да. – Иттан обернулся, преграждая ход во двор имения. – Клянусь своей честью.

Кажется, клятва девицу не проняла – а сама не так давно клялась невинностью, – потому она мялась. Но у самого входа, не выдержав, простонала:

– Я отдам тебе кольцо! На!

В немой ладошке было зажато оно. Сверкающее на солнце миллионами переливов. С крупным камнем, прозрачным что слеза. Иттан тронул холодный обод, вспоминая пальцами каждую шероховатость на золоте. Улыбнулся во весь рот.

– Что, скупщики отдали? Дорого обошлось? – с сочувствием любопытствовал он.

Девица запунцовела так, что красноте на ее лице не помешал даже смуглый, почти черный загар.

– Извини, не нужно было... я... дура... – проблеяла она. – Теперь тот мужчина отстанет? – наивно, ну совсем по-детски, спросила, опустив взгляд.

– Разумеется, отстанет, – согласился Иттан и повел рукой.

Жест – словно отогнал назойливую муху – завершился выбросом истинной силы, и девица неуклюже повалилась на бок, ударившись о брусчатку. Глаза ее беспомощно бегали влево-вправо, рот приоткрылся, и язык вывалился будто слизень. Чары окаменения были просты и доступны, а главное – качественны. Поразительно, что воровка боролась с ними (Иттан чувствовал магическое сопротивление, излучаемое ею), но до прибытия стражи заклинания хватило.

Пока первый розовощекий молодец, вчерашний выпускник академии стражников, погружал воровку-неудачницу в бричку с решеткой на оконце, второй выпытывал детали преступления и безостановочно строчил что-то в блокнотике карандашом.

– Как узнали о воровстве?

– Не обнаружил кольца. – Иттан, нетерпеливо постукивал ногой, посматривал в сторону дома. Войти следователю внутрь он не позволил, потому стерег ворота как цепной пес. Местные сплетницы уже не таились и не изображали бурную деятельность, а держались чуть поодаль, щебеча о «темных делишках, что творит младший граф Берк».

– Как догадались, что украла именно она? – Следователь показал грифелем на бричку. В решетке виднелось побелевшее от ужаса лицо, впрочем, звуков воровка не издавала, попыток проявить норы не предпринимала. Уж не смирилась ли со своей участью?

А что, поговаривают, в темницах лучше, чем в трущобах – хотя бы кормят задарма.

Иттан припомнил первую встречу с кучерявой девицей, и следователь переписал все в мельчайших деталях, даже уточнил, как выглядела скрипка и футляр. После, пробежавшись глазами по тексту, удовлетворительно кивнул.

– Спасибо, господин Берк, за оказанную помощь. Обещаем наказать вашу преступницу по всей строгости, – пообещал, закрывая блокнотик.

– Не мою. – Иттан отвернулся от брички. – Как именно накажете?

– Вздернем, разумеется, – бесхитростно ответил следователь.

– Что?

Нет, ну не соответствовало преступление наказанию. Ну ладно, прилюдно выпороть, или на каторгу отправить, или в тюремную камеру посадить на годик-другой. Но

повешение?..

– Недавним своим указом верховный судья приказал казнить воришек без суда и следствия – дабы уменьшить численность краж, совершаемых в Янге, – с радостью и даже гордостью сообщил следователь, посмеиваясь. Сейчас он особо походил на вчерашнего студента, несерьезного и не видящего разницы между теорией и практикой, оттого любая смерть ему казалась лишь строчкой в отчете.

– А если я ошибся? – Иттан встревоженно покосился на бричку. Лица в оконце не было.

– То есть кольцо взяла не она? – Следователь нахмурился.

– Она. Но если *бы* я ошибся? – настаивал Иттан. – Вы бы казнили невиновную?

Всего секунду юный следователь раздумывал перед ответом.

– Но вы же не ошиблись. Поверьте, господин, у особ ее племени проступков хватит на три повешения. Потому мы благодарны вам за содействие. На этом и распрощаемся. – Поклонился, не дожидаясь одобрения.

Иттан двинулся к дому, напоследок проводив покачивающуюся бричку взглядом из-под сведенных бровей. Он не видел пленницы, но помнил ее детскую мордашу и наивные, точно коровьи, глаза, такие бесхитростные, обрамленные длинными ресницами. Крошечную ладошку – с ее пальца, любого, даже большого, кольцо бы слетело, – и поджатые губы. Под ребрами, в боку кололо чем-то, отдаленно похожим на совесть.

Но с порога взялась причитать матушка, и о совести пришлось позабыть.

– Ох, милый! Как же так? Неужели ж взаправду наша семейная реликвия была украдена? Ох-ох-ох.

Боги! Как, когда, каким непостижимым образом она развела про кольцо?! За те минуты, что Иттан вел разговор со следователем, никто не выходил из дома и не заходил внутрь, но матушку уже оповестили о происшествии. Неспроста говорят, что сплетник – это призвание, состояние души и даже особого рода талант.

– Не переживай. – Иттан сбросил ботинки. – Кольцо у меня.

– Как же не переживать?! А случись чего? Да у меня в сердце колет, когда я представляю, в каких немытых лапах побывало наше колечко! – Матушка всхлипнула. На ее крик тут же сбежалась обслуга и, конечно, тетушка Рита.

– Что? Что произошло? – вопрошала матушкина сестрица, пока мать ревела, утирая нос платочком.

Иттан бросил кольцо на столик, где лежали старые газеты, и быстрым шагом направился в свою спальню. Решено. От маменьки с ее неумным нором надо переезжать в самое ближайшее время. Куда это годится: взрослый мужик и на попечении у родителей?

Сейчас ему всю душу этим кольцом выжрут.

Он заперся на ключ и выглянул в окно. Обзор загораживала листва раскидистого клена, но за той виднелся город. Улочки и цветастые крыши одноэтажных домов. Существа всех рас, спешащие и неторопливые. И повозка, что ехала, покачиваясь на кочках. Возможно, та самая, что везла на казнь кучерявую воровку.

– Надеюсь, ей не будет больно, – пробурчал Иттан, задергивая плотные шторы.

Спальню укутал полумрак.

Тая

В балладах о прекрасных дамах, заточенных в темницах, и рыцарях, выручающих их из передраг, рассказывали о камере на одного. Но когда хмурый стражник провел меня по темному коридору и, отворив ржавый замок на железной двери, впихнул внутрь темноты, то оказалось, что баллады лгали. В малюсенькой клетушке изнывали десятки провинившихся. Мужчины, женщины, старики – они сидели на коленях и корточках, лежали на топчанах (всего тех было шесть штук) или прямо на каменном полу. Воздух был сперт, и его катастрофически не хватало. Оконце под самым потолком пропускало редкие солнечные лучи. Одни гомонили, пьяно хохотали. Другие сумрачно помалкивали, и в молчании их чудилось предвкушение неминуемого. Рыжеволосая женщина в настолько откровенном платье, что не оставалось вопросов о ее зарботке, прокричала стражнику, что втокнул меня внутрь:

– Освободи меня, и я подарю тебе наслаждение!

После чего провела языком по припухшим губам. Но ключ провернулся в замке, и шаги постепенно стихли.

– Подари наслаждение мне, – призвал мужчина, чье лицо съедали язвы.

– Убери свои грязные лапы! – заржала женщина, но прильнула к нему. – Мои услуги обойдутся тебе в золотой.

– Да ты и хлебной крошки не стоишь, – оспорил кто-то с топчана. Женщина кинулась на него с кулаками.

Все как в Затопленном городе: шумно, грязно.

Я привыкла к полумраку. Села на свободный клочок пола у стены, головой коснулась холодного камня. Закрыла глаза.

– Тебя за что сюда упекли? – спросила немолодая женщина, свернувшаяся клубочком справа от меня.

– За воровство.

– У-у-у. За воровство нынче вешают, – заявила с безразличием. – Завтра вроде как висельный день, так что недолго тебе мучиться.

Шею сдавило, словно палач уже накинуд удавку. Руки взмокли. Смерть никогда еще не подбиралась так близко, но в городской тюрьме ею провонял каждый камешек. Снаружи, за толстой стеной, вешали и рубили головы. И в душных камерах томились живые мертвецы, которым уже не суждено было спастись. Будь хоть один шанс на свободу, я бы попытала его.

Но ясно осознавала: назад дороги нет.

– А тебя за что посадили? – Вместо слов у меня вырвался сип.

Женщина села, поджав к груди колени.

– Да покупателя в лавке обсчитала, а он, скотина такая, к страже побежал жаловаться. Ну, недельку тут на воде потомлюсь, и отпустят.

Не то что меня.

Повешение.

За кольцо.

А я ведь поверила белобрысому. Честью он клялся, ну-ну. Медянки ломаной его честь не

стоит! Сотворил со мной что-то жуткое, магию, что ль, какую-то. Конечно же перестали слушаться, рот онемел, а этот богачей преспокойно вручил меня страже. Небось еще упивался своей победой. Ну, сглупила, денег потребовала. Я и сама понимала, что зря соврала про скупщиков, но надеялась хоть монетку получить.

Неужели заслужила смерти?

Обитателей Затопленного города частенько вздергивали на виселицах, причем обычно – свои же. Кейбл не терпел предательства, потому если до него доходили слухи, что кто-то из его людей вел нечестную игру, он выносил смертный приговор. Я помнила тех, кто содрогался в последних судорогах. Лица их синели, губы бледнели. Глаза наливались кровью; чудилось, что вот-вот они выпадут из глазниц.

Я представила, как вываливается мой язык, как течет слюна. И как меня сжигают в общем костре, чтобы от существа по имени Тая не осталось и следа.

Допрыглась.

Почему же так страшно? Ведь догадывалась же, что могу закончить на виселице.

Но перед глазами потемнело от ужаса, и людские голоса смазались.

– Ты не горюй. – Рука женщины потеревала плечо. – Будет не больно. Наверное.

Но я знала – будет очень больно.

– Главное, – добавила женщина, – если будут о поделниках спрашивать, не геройствуй, всех выдавай. А то изувечат еще. А оно тебе надо?

– Не надо. – Я зажмурилась.

Зубы не попадали друг на друга. В животе ворочался страх.

Из зарешеченного оконца исчез солнечный свет, и камера погрузилась в тягучий мрак. Заключенные не спали: переругивались и даже дрались, хохотали как полоумные, рыдали и молились всем известным богам.

Принесли ведро воды и буханку хлеба – одну на всех. К ней потянулся какой-то тощий парень, но ему помешал удар колена в лицо. Парень выл, зажимая сломанный нос, а буханку разделили между собой те, которые держали здесь власть.

Из ведра пили по очереди, ровно по пять секунд каждый. Остатки также забрали. Какой-то рынди долго лупил голосащего о несправедливости парня по голове ногой, и вскоре тот перестал двигаться. Раскинул руки, и чудилось, что он безмятежно дрых.

Его тело пролежало в камере до рассвета.

Я обещала себе не спать в последние часы жизни. Нельзя. Ни в коем случае. Но глаза слипались, и тогда передо мной вырастала мать. Иссохшая, тощая, с проплешинами в волосах. Такой я ее запомнила. Из глаз матери катились крупные градины слез, хрустальные, как камни на злополучном кольце.

Тогда я просыпалась, нащупывала пальцами на шее тонкую цепочку из серебра. Перебирала меж пальцев звенья.

К утру я так измучилась, что была готова самолично взойти на плаху, только бы прервать ожидание неминуемого. В животе пронзительно урчало, и я бы застыдилась – не урчи точно так же во всех здешних животах.

В двери со скрипом провернулся ключ.

– Ты, – сказал стражник, обращаясь к кому-то. – На выход.

Я разлепила глаза, искала «счастливчика». И с ужасом обнаружила, что взгляды большинства присутствующих обращены ко мне.

Сердце забилось чаще. Под рывканье стражника я поднялась. Тело ходило ходуном.

Каждый шаг давался с неимоверным трудом. Словно переставляла не ноги, а многотонные глыбы.

Стражник вел меня по длинным коридорам, что кончались поворотами то влево, то вправо. Отворял замки. За спиной захлопывались двери, точно отсекая нас от внешнего мира.

Будут ли меня пытаться?

Никого не сдам. Никогда.

Я – крыса Затопленного города, а крысы своих не предают.

Пусть страшно до одури, но я сильнее страха.

Ржавые двери сменились иными, отполированными, и грязь исчезла с пола, а появился ковер, истертый и нечищенный, но ковер. А на стенах – картины: цветы в вазах или фрукты, что продавались на лотках у торговцев с базара верхнего города. Сочные и спелые, но дорожные. Мне изредка доводилось стащить подгнивших яблок – и ничего слаще я не ела. На других картинах не фрукты, а деревья или даже вода, бескрайняя, беспокойная. Неужели море? Я всматривалась в нарисованную водную гладь, чтобы запомнить ее напоследок.

Вдруг стражник остановился, и я чуть не врезалась в него. Постучался в дверь, и оттуда донеслось:

– Да?

– Воровку привел, – отрапортовал стражник.

Дверь отворилась. Мужчина, что стоял за ней, был молод, но некрасив. Типичный следователь управления – все они одеты в серое (даже шейный платок у него был с серым узором), и вид у них всегда унылый, и думают они одинаково скучно. Но от этого воняло чем-то терпким, от чего я расчихалась. Мужчина с омерзением сделал шаг назад, заслонил рот рукавом рубашки.

– Она? – уточнил у стражника. – Уверен?

– Вчера приводили ее одну. – Тот весь поджался, несмотря на немалые габариты.

– Ну, что ж. Радуйся, воровка, выкупили твою жизнь.

Я не сразу поняла, что разговаривают со мной.

– Мою?.. – осеклась. – Кто?

Неужто Кейбл? Но как он догадался, где искать свою игрушку?

Как я ему благодарна!

Сердце забило птахой. По ребрам. По груди.

– Да был там один. – Мужчина похлопал себя по карману; внутри звякнуло. – Небритый.

Я вздрогнула. Кейбл никогда не отращивал бороды.

На ум приходил всего один бородатый – тот, что обещал платице в подвале лачуги на окраине Янга. Но зачем я ему понадобилась? Он богат, а значит, сможет купить любую.

– Что дальше? – Я приготовилась к худшему. – Куда мне идти?

Если придется, сбегу. Не смогу – найду способ, чем убить себя. Рука не дрогнет.

– Дальше? – Мужчина поправил шейный платок. – Снаряди ее, – сказал стражнику. – Телега с добровольцами отбывает сегодня. Только руки свяжи, чтоб не сбежала.

– Так точно, господин главный следователь! – выкрикнул стражник.

Он подтолкнул меня под лопатки и повел за собой. Вновь прошли мимо картины с морем. Какое же оно красивое. В море отражалось небо. Волны били по песчаному берегу.

Жаль, мне не суждено ступить в его воды.

– Куда мы?

– Узнаешь, – гаркнул стражник.

– Может, все-таки виселица? – я предложила без особой надежды.
Стражник на мгновение задумался, но помотал лобастой головой.

– Не положено.

Значит, умирать не положено. Интересно. А что положено?

Жить?

Иттан

Всю ночь ему снилась она, играющая на скрипке. Пробирало до глубины души. Выламывало ребра. Иттан бежал вдоль каштановой аллеи, которая вела к чернеющей пустоте, а воровка преследовала его – каблуки весело выстукивали по брусчатке, – не прекращая играть. Он просил оставить его в покое, но она упрямо неслась следом. Пыхтела и вздыхала по-старчески. Не отпускала.

– Я заплачу тебе! – кричал Иттан, тщетно пытаясь скрыться за деревьями, но те расступались. Змееподобные корни овивали лодыжки.

– К чему мне деньги? – заунывно спрашивала она.

Иттан обернулся, и воровка улыбнулась, обнажив лишенный зубов рот. Из правой – пустой – глазницы ее полез червь. Кожа сморщилась и слезла словно змеиная.

– Держи. – Рука, с которой стекало гниющее мясо, протянула кольцо.

Иттан проснулся на выдохе, мокрый от пота. Дыхание никак не успокаивалось. Он сидел, уткнувшись лбом в колени, и считал про себя.

Один. Два. Три...

Да что же это такое?

Было страшно и казалось, что в ночной темноте, за спиной, стоит она. И громко дышит.

Четыре. Пять...

На рассвете Иттан в неглаженной рубашке явился в следственное управление Янга на аудиенцию с главным следователем. Его впустили на удивление беспрепятственно, и вскоре он сидел в кабинете и скреб двухдневную щетину ногтями.

А руки почему-то подрагивали.

Главный следователь, совсем молодой и оттого самоуверенный – недавно Иттан сам был таким же, – слушал вполуха и зверски скучал. От зевоты его отделяло разве что приличие. Но взгляд скользил по кабинету, ни на чем не задерживаясь дольше, чем на пару секунд.

– Подытожим. То есть вы хотите, чтобы некой воровке смертную казнь заменили на иное наказание? – зачем-то уточнил он, хотя Иттан битых полчаса говорил только об этом.

– Да. – Он облизал пересохшие губы.

– На каком основании? – Следователь подвинул чернильницу чуть правее, словно от местонахождения той что-то менялось.

– Смерть – это слишком высокая плата за кражу. – И голос дрогнул. Иттан надсадно закашлялся, сию секунду побороть хрипоту, а следователь отшатнулся от него как от чумного.

М-да, если он и дальше будет так брезглив, несладко придется и преступникам, и подчиненным.

– Таков закон.

– Закон можно обойти.

– По какому такому праву, позвольте вас спросить? – Главный следователь заметил вдруг, что одна из пуговиц на его сюртуке нечищенная и взялся обтирать ее рукавом, чем раздражал донельзя.

На каком основании?! Да потому что это бесчеловечно. Наказание должно соответствовать свершенному проступку. Разве справедливо вешать ту, которая по детской

наивности утащила кольцо? Да, дорогое, да, фамильное – но разве заслужила она смерти?

Почему тогда иным правонарушителям – способным заплатить – с рук сходят убийства? Где тут справедливость?

Нет, она не умрет. Иттан не позволит.

– Вы должны смягчить наказание. – Он потянулся за кошельком.

Монеты посыпались прямо на чистенький стол главного следователя. Золотые, серебряные, медянки со стуком упали на дерево и засверкали в лучах первого солнца.

Главный следователь сглотнул. Перед ним лежал месячный заработок, и молодой мужчина, пусть даже принципиальный, не мог удержаться от соблазна, который был так близко – руку протяни, и деньги твои.

– Вам когда-нибудь предлагали взятки? – понимающе хмыкнув, спросил Иттан.

Отощавший кошель он убрал в карман. Следователь покачал головой.

– Значит, буду первым. – Иттан отодвинул стул – ножки скрипнули по полу – и поднялся. – Найдите девушку, которую я вам описал, и смягчите ей наказание. Если сумма недостаточна – скажите, сколько не хватает.

– Зачем вы заявляли о ней страже, если готовы выкупить с виселицы? – спросил следователь с непониманием. – Не вышло ли, что ваше кольцо стоило меньше, чем вы отдали мне?

Ха! Фамильное кольцо рода Берков стоило столько, что главному следователю управления пришлось бы год работать без выходных – и тогда бы он окупил камень, без оправы. А та груда монет, которая валялась на столе, была Итттану безразлична. Он тратил гораздо больше на развлечения. Что вообще значат деньги по сравнению с жизнью?

Ровным счетом ничего.

Иттан вышел в город, отчего-то довольный донельзя.

– Дядь, купите. – Вертлявый мальчишка протянул ему полуденную газету.

Он, пошарив по карманам, достал последнюю монету и кинул ее мальчишке. Глянул на заголовок.

Внутренности скрутило узлом.

Вместе с газетой по городу разнесся список. Всего тридцать три фамилии. Неженатые и прилежные семьянины, отцы, высшие чины и даже те, кто публично называл отношения с женщиной вне брака грехопадением. Ан нет, и эти, праведники, тоже были обнародованы, обнажены на порицание общественности. И в середине, не во главе, но и не замыкающим список, этакой серой массой среди прочих Иттан обнаружил себя. Его имя, титул и гаденькая приписка «бывший декан светлого факультета». Бывший! Газетчики, учуяв горячую новость, за день раскопали данные обо всех любовниках Агнии и пообещали в следующих выпусках прикладывать отрывки из писем, послуживших доказательством содеянного.

Завершалась новость вопросом: «Так что же заставило столь разных мужчин пасть пред одной женщиной? Любовь ли? Страсть? Магия?»

И правда, что? Иттан, скомкав газетный лист, поспешил к имению. В голове было туманно и пусто. Сердце молчало.

Тридцать три фамилии, за которыми скрывались тридцать три мужчины.

Он представил, как изящные руки Агнии, не знающие загара, гладят чей-то обрюзгший живот. Как она шепчет сквозь закусенную губу: «Я от тебя без ума». Как ее острые зубки кусают мочку уха какого-то юнца. Как стонет Агния под кем-то из оставшихся тридцати двух.

Отвращение накрыло его горячей волной. Поломало надвое. Тонкая игла, щедро залитая

ядом, засела под сердцем, и яд медленно отравлял кровь. Иттан шел, и казалось, что все вокруг насмежаются над его неудачей. Что людской гомон обращен к нему. Что каждый в столице знает, как опозорился «бывший декан светлого факультета», связавшись с блудливой актрисой.

Он доверчивый идиот.

А она лгала.

Ему и еще тридцати двум мужчинам.

Иттан ворвался к себе в уличной обуви, упал лицом в подушку. Он лежал без движения, силясь остановить ход времени. Зажмуривался до красных пятен. Сцепил зубы, чтобы не застонать.

В дверь робко постучались.

— Господин Берк желает поговорить с вами, — проблеяла служанка таким жалким голосочком, что стало понятно: хорошего ждать не придется. Отец так не вовремя вернулся из похода и уже, конечно же, извещен о похождениях сына.

В кабинете, кроме отца, сидящего за столом с самым непроницаемым видом, завывала матушка. Она раскачивалась из стороны в сторону у окна, держась руками за подоконник. Под ногами ее валялась газета.

А небо затянуло пепельными тучами. И в воздухе, кажется, пахло грозой.

— Объяснись, — коротко приказал отец.

Он был седовлас, но не стар. Дряхлость не коснулась его мышц, в черных глазах не угасала страсть. И Иттан, всякий раз оказываясь под пристальным отцовским вниманием, ощущал себя мелким и незначительным. Песчинкой. Домашней зверюшкой, но не человеком.

— Не понимаю, в чем дело, — ответил он, выдержав холодный взгляд. Двинуться в глубь кабинета так и не решился, мялся на пороге как провинившийся ученик.

— В чем дело?! — пророкотал отец, и кулак его шарахнул по столу. — Ты спал с этой женщиной?

— Я ее любил, — поправил Иттан.

Маменька взвыла как раненая волчица, вцепилась ногтями себе в предплечья. Лицо ее налилось багряной краской.

— Молчи! — приказал отец, и слезы тотчас высохли на материнских глазах. — Любил он. — Губ отца коснулась усмешка. — Все мы по молодости любили. Кольцо ей дарить собирался, да?

Иттан кивнул — отрицать очевидное было бы глупо. Его допрашивали как нашкодившего пацана. Хотя чего ему стыдиться? Осознанный выбор взрослого человека. Да, выбор неудачный — но кто застрахован от ошибок?

Мать качалась на фоне грозового неба, отец откинулся в кресле.

— Она попросту тобой воспользовалась, а ты уши развесил. Не могу поверить. Тридцать три идиота повелись на женское тело! Боги, да что в ней такого было?!

— Она... она... — Мать захлебывалась беззвучной истерикой. — Одурманила... всех... позор...

— Ну-ну. — Отец провел ладонью по листу бумаги, который лежал на столе. — Мать права. Ты всех нас предал, сын.

Иттан подался вперед.

— Я...

Отец шикнул.

– Не перебивай. Когда я просил верховный совет пристроить тебя в академию, то ожидал, что ты свяжешь судьбу с колдовством, коль уж вояки из тебя не вышло. Мягкий ты больно, весь в маменьку. – Он с неприязнью глянул на женщину, хватющую ртом воздух. – Но тебя выставили вон. Первый промах. – Отец загнул большой палец. – Ты попал на первую полосу всех газет Янга, полюбив потаскуху. – Указательный палец согнулся вторым. – И, наконец, ты едва не потерял кольцо, гордость всего моего рода, которое не позволено носить даже твоей матери.

В кабинете повисло молчание. Маменька потирала безымянный палец. Слова о кольце ее оскорбили, но она не смела перечить супругу. Иттан отсчитывал половицы паркета. Отец вновь посмотрел на лист и, взяв перо, поставил внизу размашистую подпись.

– Завтра же ты отправляешься служить, сын, – сказал он, передавая лист Иттану.

Тот вчитался в содержание. Принудительное направление на воинскую службу. На три года. В северный гарнизон, который располагался вблизи Пограничья, государства теней.

– Но...

Нет, он не готов уехать в гарнизон. Его истинная сила не заточена на бой. Он – грамотный теоретик и неплохой практик в бытовой магии, но не более того. Да, мечу обучен, но постольку-поскольку. Место Иттана в академии или на городской службе.

Отец слушать не стал.

– Завтра же, – повторил нетерпеливо. – Иначе ты лишаешься всего. Всего. Титула, денег, наследства, даже имени. Ты перестанешь быть моим сыном, о чем я сообщу перед королем и всеми богами.

Мать, будто только сейчас осознав, что происходит, с воем упала в ноги отцу. Она хваталась за его брюки и просила:

– Помилуй его, ты же обещал, помилуй! Он пропадет! Он не справится! Ты обещал!

– Я передумал. – Отец рывком поднял ее с пола и приставил к стене. – Сын, каково твое решение?

...Повозка отправлялась на рассвете. Лил дождь.

Иттан

Повозка, скрипя, остановилась у конюшен гарнизона. Зафырчали измотанные лошади, получив короткую передышку. Дохнуло болотом. Боги давно позабыли и гарнизон этот треклятый, куда Иттана занесла нелегкая, и его обитателей. По стенам ползли змеевидные трещины. Западная башня и вовсе обвалилась – судя по всему, от дряхлости, а не во время ожесточенного боя. Наверное, единственным, что внушало доверие, была крепостная стена, овивающая саму крепость и пристройки к ней. Высокая, в четыре человеческих роста, широкая и надежная.

От ворот уже спешило двое мужчин: первый в офицерской форме, второй в храмовом одеянии до пят. Оба поклонились Иттану, и офицер, низкорослый человек, чьи усики вились, а движения были суетливы, заговорил:

– Нам сообщили о вашем прибытии, господин маг.

– Иттан Берк. – Иттан пожал руку офицеру и постарался не обращать внимания на взгляд исподлобья, которым одарил его пышнотелый лысеющий храмовник. У служителей церкви и магов испокон веков сложились не самые теплые отношения. Первые называли все, что не поддавалось божественному объяснению, ересью, а вторые всячески доказывали ущербность церковных догм. Ибо мир без магии обречен на вымирание, а в мире, лишенном прожорливых храмовников, не поменяется ровным счетом ничего.

– Филип, – простецки представился офицер и помог с сумками. – Для нас великая честь принимать кого-то вашего уровня. С колдунами в гарнизоне вечная проблема, знаете ли, особенно с боевыми.

– Но я не боевой колдун, – напомнил Иттан.

Храмовник хмыкнул:

– Радует, что вы не отрицаете очевидного.

Офицер Филип шикнул на него, но Иттан не полез в беспричинный спор.

– Дело в том, что я обучался на светлом факультете, потому мои возможности несколько ограничены.

Его не слышали.

– Да-да, мы понимаем, – подобострастно закивал Филип. – Идемте, покажу ваши покои.

Он семенил быстро, перепрыгивая через лужи и ямы, а храмовник шелестел одеждами позади и молчал. Гарнизон жил. Вот прошла женщина из гражданских с коромыслом. Вот двое сопляков-новобранцев – лет четырнадцати, если не меньше – атаковали друг друга деревянными мечами. Вот девушка в темном платье до пола шмыгнула в дом с окнами, что были задернуты красными шторами. Ясно, с мужскими потребностями здесь борются вполне определенным способом – нанимают девиц из борделей, и те живут при крепости, поставляют свои услуги и получают наверняка приличное вознаграждение.

– С юга у нас площадка для тренировок, – объяснял Филип, переступая через лежащего на брюхе пса, обросшего колтунами. – Там и стрельбу можете отточить, и ближний бой, ну и магию, само собой. – Храмовник издал звук, напоминающий лошадиное тпру. – Кормят, поят служивых задарма, но коли прикупить чего надобно: одежду или выпивку – лавки там. – Пальцем ткнул в одноэтажные домишки, больше походящие на сараи, расположившиеся у

самой крепостной стены. – Ну и это, если невогнута будет, ну... того... – почесал у себя меж ног, – обращайтесь не к девушкам, а к их хозяину. Цены, конечно, высоки, но и девчонки наши все как одна красавицы и умницы.

Храмовник, вскинув голову, воззвал к богам.

– Не прославляйте запретные связи, Филип! – разозлился он. – Иначе мы все обречены на гибель. Демоны пожрут наши души!

– Не слушайте его. – Филип двинулся к дверям, которые вели в кишкообразные одноэтажные казармы. – Если солдат не способен думать ни о чем, кроме удовлетворения своих, между прочим, естественных надобностей, в бою он бесполезен. Кстати, если денег жалко, можете сговориться с нашенскими женщинами. Их тут много, и за ваше покровительство они готовы платить собой.

– Нет, слушайте! – Внезапно храмовник ухватил Иттана за предплечье и сдал то. – Вы и без того греховны, ваш брат не должен приезжать сюда! От вас одни проблемы, слышите?

– Слышу, – согласился Иттан, стряхивая скрюченные пальцы.

– Покайтесь богам и оставьте дурное увлечение!

– Всенепременно.

Филип поспешил внутрь. Иттан проследовал за ним. И только храмовник стоял на ступенях и повторял:

– Покайтесь! Иначе демоны поработят вас! – Голос его эхом разбивался о массивные стены. – Маг, – позвал он проникновенно. – Почаще оглядывайся, ибо опасность поджидает на каждом шагу.

Это был уже не туманный намек, но прямая угроза. Да только не испугала она нисколько, лишь взбесила своей напыщенностью.

– Вы хотите сказать что-то конкретнее? – проскрежетал Иттан, обернувшись вполоборота.

– Не я, но боги, – ответил храмовник перед тем, как спуститься со ступеней и уйти.

– Вы уж извините его, такова участь священнослужителя, – вздохнул офицер, бредя по однообразным коридорам.

– Все нормально.

Было холодно и сыро, удушливо пахло плесенью. Туда-сюда сновали хмурые солдаты. Наконец, офицер Филип остановился у скособоченной двери, отворил замок и приглашающе посторонился.

– Ваши покои, господин.

Судьба явно насмеялась, когда завела Иттана в эти края. В чулане, гордо именуемом «покоями», уместилась только односпальная кровать с тонким матрасом поверх, стол, стул да платяной шкаф. Ах да, еще ночная ваза, окрашенная в коричневые цвета. На нее Иттан глянул с особым недоумением. Он привык к канализации, туалету, ваннам, воду в которых подогревали магические кристаллы, но совсем не к аскетизму гарнизонной жизни. Сквозь оконце едва просачивался солнечный свет. Вонь скисшего белья преследовала по пятам.

– Благодарю, – нашел он в себе силы. – Разрешите мне осмотреться.

– Разумеется. – Филип расшаркался. – Комендант ожидает вас после ужина.

– Благодарю, – бездумно повторил Иттан.

Оставшись один, он первым делом отставил вазу в дальний угол. Если так живут командные чины, то где ютятся подчиненные?

Годы высушили коменданта гарнизона, превратив его из пышущего здоровьем человека с портрета, который висел над комендантским столом, в скелет, обтянутый желтой, точно пергаментной, кожей. Ногти на его пальцах были выстрижены чуть ли не до мяса, одежда давно не глажена. Волосы выпали, оставив череп голым. Комендант натужно кашлял в серый платочек, и на том расплывались крупницы крови. Иттан сел напротив, сложил руки в замок.

– Неужто передо мной отпрыск самого Берка! – хрипло рассмеялся комендант и протянул ладонь для рукопожатия. – Да ты не бойся, та дрянь, что скоро угробит меня, не заразна. Семейный недуг, у меня мать от нее же померла.

Он постучал себя по сердцу, будто демонстрируя, где именно осела болезнь. Иттан, поколебавшись, ладонь пожал.

– Вы знали моего отца?

– Служил под его началом. Грозный мужик, скажу я тебе, но напивался с нашими наравне и байки травил отменные, – ответил с полуулыбкой. – Ну и где он теперь?

– Служит при короле. – Иттан осматривал скудно обставленный кабинет. Кроме портрета, и зацепиться не за что. Все обычное, бедное, безыскусное.

– Ясное дело. – Комендант разгладил платочек, в который вьелись бурые пятна. – Великий он человек, настоящий вояка, и сына своего вырастил таким же. – Из первого ящика стола он достал конверт, некогда запечатанный сургучом дома Берков. Пробежался глазами по строчкам письма. – Во, получил перед самым твоим прибытием. Папаша просит тебя уму-разуму обучить. Пишет, мол, ты обучен колдовскому искусству, да еще и деканом в академии побывать успел?

Иттан согласно промычал в ответ.

– И какая стихия? – допытывал комендант; лысина его блестела. – Огонь, воздух?

– Я не боевик, – привычно поправил Иттан.

Как объяснить всем, что светлый маг почти бесполезен в сражении? Он снимает порчи, лечит незначительные раны, способен на простейшие бытовые чары, но атаковать не сможет при всем желании. Его истинная сила не заточена под удар, скорее – под защиту. Ежегодно на знакомстве с первокурсниками Иттан огорошивал тех, румяных и жизнерадостных, что, будучи студентами светлого факультета, не видать им проявлений магии, о коих пишут в книгах. Они изначально родились не способными к боевым заклятиям, и с этим уже ничего не поделать.

– Ты, сынок, помалкивал бы, – комендант крикнул. – Понимаешь, тут с тобой возиться никому не надобно. Кого поведет за собой командир, что на всяком углу орет: «Я не такой»? – Брови его сошлись на переносице; комендант встал, сутулясь, прошелся по кабинету и выглянул в окно, за которым на черном покрывале неба золотилась луна. – Такой, и все тут. На мечях биться обучен?

– Разумеется.

– Ну и отлично, тем более что привело тебя само провидение. Наш единственный поисковый отряд месяц назад лишился мага, тоже, к слову, единственного, а без него не обойтись. Потому отныне ты назначен командующим, Берк-младший. – Комендант вернулся к столу, достал печать и, подышав на нее, шлепнул по листку. – Три года, сынок, а там, видят боги, понравится, и останешься насовсем. Служба, она затягивает.

Очень вряд ли. В Иттани все зудело надеждой поскорее покинуть этот гарнизон и впредь объезжать его стороной.

– Что произошло с магом? – спросил он, уложив листок-направление в карман.

Комендант заметно помрачнел.

– Исчез на очередной вылазке. Мы его неделю искали, но впустую. То ли дезертировал, то ли был сожран. – Задумался, долго формулировал мысль (уж не сглаживал ли углы, оберегая от каких-нибудь неприятных подробностей?). – Ты слышал о завесах?

– Конечно.

Тонкая материя разделяла мир живых и мертвых. Иногда она прорывалась, и тогда открывалась завеса. Откуда та бралась – неизвестно, но ее появление сопровождалось энергетическим всплеском. Сама по себе завеса опасности не представляла, но изредка из нее вылезали создания, которых так и окрестили: «порождения завесы». Через какое-то время, обычно за год-два, завеса истончалась и пропадала. Но те маги, которые проникали в нее, чтобы изучить изнутри, редко возвращались, а если какому везунчику и суждено было вырваться из межмирья, то в голове его все мешалось, путалось; повсюду чудилась невидимая угроза или голоса. Происхождение и строение завес оставалось загадкой для всех, даже для расы теней, жрецы которой умели перемещаться по межмирию.

Магам рассказывали о разрывах и тварях, их населяющих, в академии, но вживую Иттани не приходилось видеть ничего подобного.

– Так вот, меньше года назад в километре отсюда появилась одна, и она растет, ширится. Наши поговаривают, что всему виной какой-то сильный выброс стихийной магии. Возможно, что-то случилось у теней, но те молчат. А нам отдувайся. Но дело не в том. Чудовища из завесы с поразительным постоянством нападают на гарнизон. Мы, конечно, отражаем нападения, и успешно. Но в момент, когда завеса выплевывает своих «деток», – сморщился, – из нее сыплется некий песок. Мы называем ее солью. Для удержания гарнизона эта соль просто жизненно необходима. Как-нибудь наглядно объясню зачем, – ответил на невысказанный вопрос Иттани. – Потому у поисковиков две цели: первая – обезвредить остатки вражеских сил; вторая – собрать все, что выпало из завесы, и доставить сюда.

– А маг зачем?

– От вашего присутствия завеса успокаивается, что ль. – Комендант опять встал. Несмотря на то что ходьба давалась ему с трудом, он не мог усидеть на стуле. – Да-да, ты не знаешь, чего с ней делать. Разберешься на месте, усек?

Кивок.

– Отлично. В твоей команде нынче пятеро, больше выделить не могу. Людей у нас мало: мрут кто от болезней, кто от когтей гадюк, кто от сифилиса. Ты к девкам здешним не ходи, – предостерег комендант, подмигивая, – лучше кого из obsługi под свое крыло возьми, всяко надежнее. О первой вылазке сообщу, пока знакомься с солдатами да обвыкайся. Если ты хоть на треть столь же яростен, что твой отец, – мы не сдохнем. Свободен!

Комендант указал на выход.

Голова шла кругом. Вместо трех лет прозябания в никому не нужном гарнизоне он оказался поблизости с разрывом. Интересно. Завесу он обязательно исследует вдоль и поперек, напишет по итогам научную работу с вычурным названием – на зависть научному свету Янга, а то и всей страны.

У неосвященной лестницы он застал парочку, занятую явно важным делом: широкоплечий паренек всюду стягивал с девушки юбку. Он был настолько увлечен

процессом, что не заметил подкравшегося Иттана, а тот и прошел бы мимо, но что-то заставило его остановиться, присмотреться сквозь рассеянный полумрак. Руки девушки были сведены над головой, живот приперт коленом к стене. Она не звала на помощь, не плакала, но судя по позе – обоюдным желанием тут не пахло.

Иттан постучал парню по плечу, и тот от неожиданности выпустил девушку из захвата. Та, недолго думая, залепила коленкой меж ног неудачливому любовнику и, нырнув слева от Иттана, бесшумно растворилась во тьме. Парень взвыл, оседая на стену.

– Скотина! Я тебя еще словлю! – прохрипел он и окрысился: – Тебе какого ляда нейдется, а?

Иттан скорее не увидел, а почувствовал, как ловким движением парень вытаскивает нож, как замахивается, метясь в бок. Промаяхнулся – Иттан посторонился. В темноте слабо различались очертания, и ориентироваться приходилось на слух и чутье. Иттан медлил. Для сплетения любого заклятия нужно сосредоточиться, но парень атаковал раз за разом, не целясь, вспарывал лезвием воздух.

Да и бес с ним, с заклятием. Перед ним вчерашний юнец, взбешенный ребенок, а не противник, стоящий траты резерва. Иттан закрыл глаза. Шаг влево. Интуиция обострена до предела. Поворот. Толчок локтем.

Удар пришелся в солнечное сплетение, и нож выпал из обмякших пальцев. Парень согнулся, рыча от боли.

– Я отомщу, – пообещал он и добавил парочку нелестных эпитетов в адрес сбежавшей жертвы и Иттана.

– Милости прошу. – Тот забрал нож, обтер его о штанину. – Командующий поисковым отрядом Иттан Берк. Подсказать, где живу?

Ответа дожидаться он не стал – ушел. Гарнизон – та же академия, разве что дозволено слишком многое. Но, как и в академии, здесь хватает непослушных мальчишек, которых необходимо усмирить ради их же блага.

У самых дверей в спальню кто-то прошмыгнул как крыса, махнув хвостом-волосами. Спасенная девушка оказалась совсем рядом, схватила коготками Иттана за локоть.

– Спасибо.

– Будь аккуратнее, – посоветовал Иттан.

«Светлячка», вспыхнувшего под его пальцами, она нешуточно испугалась. Отпрянула, загородив лицо ладонями.

– Он безвредный, – уверил Иттан и в доказательство ткнул ногтем в центр светящегося шарика.

Девушка подалась вперед, и в зеленоватом свете черты ее лица стали различимы. Нос пуговкой и выющиеся волосы. Выступающий подбородок и глаза, чуть сощуренные, темные-темные.

– Ты?! – ахнул Иттан.

А девица попятилась, тоже рассмотрев, кто спас ее шкуру. Спустя мгновение она припустила так, будто от этого забега зависела вся ее жизнь.

Ну, или опять у него что-то стащила...

– Да постой ты! Ненормальная!

Иттан со стоном перешел на бег.

Он успел изловить ее у самого выхода, притянул к себе и, не отпуская из крепких объятий, потащил в свою комнату. Девушка брыкалась, даже цапнула за ладонь – но Иттан не выпустил добычу. Дверь он предусмотрительно закрыл на ключ. «Светлячок» неотрывно следовал за Иттаном, окрашивал убогую обстановку комнатенки в нежно-зеленоватый. Девушка жалась к стене.

– Давай поговорим.

Иттан примирительно поднял руки, показывая, что ладони его пусты.

– Нам не о чем разговаривать, – отрезала воровка. – Из-за тебя я вляпалась в эту историю. Из-за какого-то кольца, которое даже не продать – уж больно оно приметное. Так ладно, ну, дурная я, но отдала ж кольцо... А ты на виселицу отправил. Вот спасибо!

Она схватила ночную вазу и замахнулась ей, намереваясь то ли кинуть, то ли огреть. Опасное оружие, ничего не скажешь.

Иттан подавил смешок.

– Послушай. – Он шагнул вперед, пропуская перед собой «светлячок», который пугал девушку – та даже зашипела, когда он подплыл к ней вплотную. – Я не думал, что тебя захотят казнить. К тому же в итоге ты здесь.

– Уж не по твоей воле. – Окончательно вжалась в стену.

– Вообще-то по моей. – Иттан улыбнулся. – Я заплатил главному следователю, чтобы повешение заменили иным наказанием.

Девушка долго изучала его, а в глазах ее плясали светлячки. Вазу она брякнула на пол.

– Бородатый мужик – это ты?

Иттан поскреб отросшую за недели дороги бороду. Видимо, он.

– Обалдеть... – Воровка хлопнула себя по лбу. – Сначала страже сдал, а потом у нее же выкупил. У тебя с головой все в порядке?

Почему-то ему стало так смешно, что Иттан прыснул. В порядке ли у него с головой? Нет, нет и нет! Не видно, что ли?

Если б не кольцо это треклятое, и он, и она жили бы своей прежней жизнью. А теперь они почти на равных – заложники гарнизона, недалеко от которого распахнулась завеса и шастают какие-то твари.

Весело!

– Чего ржешь? – буркнула девушка и вдруг тоже засмеялась, припадочно, на грани с истерикой. Наверное, от переживаний и свалившихся на нее проблем.

– Как тебя зовут-то? – ради приличия спросил Иттан, зажигая на столе тонкие свечи, которые скорее коптили, нежели дарили свет. «Светлячок» растворился, и девушка выдохнула.

– Тая, – сплюнула она и ответно любопытствовать не стала.

– Приятно познакомиться, Иттан.

– Засунь свои манеры знаешь куда? – посоветовала новоиспеченная знакомая.

– Какая воспитанная девочка, – не остался в долгу бывший светлый декан. – Пить будешь?

Из сумки, привезенной с собой, он достал флягу. Виски был крепок, с терпким дубовым ароматом. Иттан протянул флягу Тая, но та предусмотрительно заявила:

– Ты первый.

Он жадно отхлебнул, глотком этим смахивая нервозность последних недель, утомленность от долгого путешествия. Тая последовала его примеру.

Вскоре они сидели на кровати, передавая друг другу флягу и солонину (заботливая матушка уложила ее столько, будто отправляла Иттана в голодные края). Спорить больше не хотелось, как и враждовать. Все, хватит, отвоевались.

– Мне неспроста кажется, что ты гораздо старше, чем выглядишь? Сколько тебе лет? – Иттан расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

– Приличную женщину нельзя спрашивать о возрасте, – ответила Тая с ехидцей. – Но я неприличная, потому отвечаю. Мне двадцать.

Многие в ее возрасте воспитывают если не второго, то первого ребенка. Другие, только окончившие учебу, берутся познавать взрослый мир. А что повидала она? По морщине, залегшей меж бровей, и всегда чуть сощуренным глазам – точно выискивает опасность – Иттан читал: многое.

– Почему ты вернула кольцо? – Он сделал новый глоток, с наслаждением потянулся, когда тепло пробежало по горлу и осело внизу живота.

– Что за вопрос? – Тая поджала губы. – Не надейся, совесть меня не замучила.

– Я вообще сомневаюсь в наличии у тебя совести. И все-таки, почему? Неужели испугалась моих слов?

Она выхватила флягу и присосалась к ней, как путник в пустыне впивался бы в жизненно необходимую влагу.

– Да сдались мне твои угрозы. Тот мужчина, ну, в отглаженной рубашке...

– Регс, – подсказал Иттан.

– Наверное. – Тая почесала кончик носа. – Он опасен, я нутром чую, с ним лучше не связываться. И я подумала, что, отдав кольцо, отработаю как-нибудь свою оплошность перед тобой и получу свободу. Кто ж знал, что ты такой законопослушный мальчик.

Иттан развел руками.

– Каким уродился.

– Забыли. Покажи свою светящуюся штуку, – попросила Тая, облизываясь.

Щелчок пальцами, и «светлячок» заплясал перед самым ее носом. Тая провела над ним, приняхалась – словно звереныш, а не девушка – и покрутила головой. Вылитый крысеныш. Иттан в детстве любил играть с придомовыми мышами, тощими и маленькими, безобидными, но такими доверчивыми. Они, не знающие о людском коварстве, сами шли в руки, если там лежал кусочек сыра. Водили носиками, и усики их умильно шевелились. Маменька, когда увидела сына в обнимку с мышью, завизжала и приказала вытравить их. После Иттан долго еще находил маленькие тельца, скрюченные, с глазами-бусинами, в которых застыло непонимание.

– Везет тебе. – Тая попыталась словить «светлячок», но тот улизнул. – Живешь в огромном доме, сам маг, вон какие штуки пускаешь, а я, кроме скрипки, ни с чем совладать не умею.

– Как же? – притворно изумился Иттан. – А твои поразительные навыки щипачества?

– А, это... мелочи. – Тая зарделась. – Слушай, извини меня.

Она примирительно протянула ладошку, хрупкую и маленькую, словно кукольную.

– И ты – меня. – Рукопожатие вышло слабым, очень уж страшно было переломать эту ладошку надвое. – Чем ты не угодила тому герою-любовнику?

– Он предложил свою защиту, и я, наивная курица, решила, что это жест доброй воли.

Ага, конечно. За добрую волю обычно берут двойную плату.

Тая развалилась на постели, раскинув руки-ноги и становясь совершенно беззащитной.

– Больше он тебя не обидит. Даю клятву.

Иттан ощутил себя ответственным за эту маленькую тощую девицу с языком острым, точно лезвие. Пока они в гарнизоне, глупо цапаться – эти стены давят, а с кем-то, с кем есть общее прошлое, не так тоскливо. Потому, если придется, Иттан защитит свою личную воровку – по крайней мере, если она сама не будет нарываться.

– Не верю я твоим клятвам, белобрысый, – беззлобно буркнула «осчастливленная» обещанием и оттого особо благодарная Тая.

– А мне плевать. Ложись спать. – Иттан похлопал по покрывалу.

Тая спорить не стала – уснула, обнимая недоеденный кусок мяса. Дыхание ее было тихим и осторожным, словно девушка боялась спугнуть кого-то. Или, наоборот, разозлить.

Крепкий алкоголь, первый за долгое время, плавил мозги. И размышлять над чем-то важным – а зачем оно?

Ее волосы пахли миндалем. Иттан подумал, как, должно быть, странно пахнуть тем, чего, наверное, никогда в жизни не пробовала. Внезапно ему до помешательства захотелось купить ей миндаля, а еще почему-то шоколада.

Новое чувство было странным и нелепым. Они – не враги, но и не друзья. Просто два существа, попавших в передрагу. Вынужденные прибиться друг к другу, чтобы изгнать одиночество. Разве товарищам по несчастью покупают шоколад?

И все-таки миндальный запах дурманил разум, а потому казался пьяному Иттану невероятно вкусным.

Притягательным.

Важным.

Даже необходимым.

Тая

Я улизнула из-под теплого мужского бока (когда холод пробирает до костей, хорош любой бок, пусть даже принадлежащий недругу) с рассветом, под первый луч солнца, который проник к клетушке. В дверях обернулась, смерила спящего Иттана пристальным взглядом – какое нелепое имечко, будто икота пробрала! – от которого мужчина заворочался, и, тряхнув волосами, выскочила наружу.

[Купить полную версию книги](#)